По ту сторону песни

Автор:
Наталья Калинина

По ту сторону песни

Наталья Дмитриевна Калинина

Мистический узор судьбы

Двадцать лет назад в провинциальном военном городке вдруг исчезли люди, а оставшихся жителей обнаружили мертвыми. Все указывает на то, что трагедия может повториться в наши дни: начинаются природные аномалии, в окнах пустых домов вспыхивает свет, а в парке приходят в движение сломанные аттракционы. Роман, у которого тогда погиб отец, берется за расследование, поэтому заказ на поиски пропавшей певицы Анфисы его не интересует. Но, возможно, именно Анфиса могла бы пролить свет на тайны, ведь она умеет открывать двери в другие параллели.

Наталья Калинина

По ту сторону песни

Глава 1

«…Петь для меня – все равно что дышать. Если я перестану петь, то задохнусь…»

(из интервью Анфисы изданию «Музыка в нашей жизни»)

– Нет, тут что-то не то…

Никита запустил пятерню в копну каштановых кудрей и еще больше растрепал волосы, которые не могли усмирить ни расческа, ни укладочные средства. Марьяна неодобрительно покосилась на брата, но промолчала, только с излишне громким звоном опустила крышку на кастрюлю и выключила газ.

– Почему Анфиса так поступила? На пике карьеры? Внезапно?

– У нее могло быть сто причин! – не выдержала Марьяна, потому что Никита уже битый час долдонил на одну тему. Как ворвался в квартиру в десять утра, бухнулся на скрипнувший под ним табурет, так и долдонил. Марьяна уже успела и суп сварить, и угостить брата кофе с домашними кексами, и выслушать сто пятьдесят «почему?», а он все продолжал сыпать версиями, которые сам же и отметал.

– Никит, картошки на второе пожарить? Или лучше сварить?

– Угу. Как ты думаешь, она…

– Так пожарить или сварить? – перебила Марьяна, решив, что пора прекратить этот полный риторических вопросов монолог. Отчасти она понимала Никиту: если он загорался какой-нибудь темой, то пиши пропало. А тут журналистский интерес смешался с личным: брат был поклонником популярной певицы Анфисы, не пропустил ни одного концерта в Москве и чрезвычайно гордился тем, что однажды взял у нее интервью для журнала, в котором работал. Марьяне тоже нравилась талантливая певица, она даже сходила однажды с Никитой на концерт вместо девушки, с которой он расстался, поэтому новость об отмене тура огорчила. Однако брат в своем дотошном желании докопаться до причины поступка Анфисы перешел все границы.

– Так что с картошкой делать? – напомнила Марьяна.

– Пожарь! – коротко, будто отмахнувшись, ответил Никита и снова завел надоевшую пластинку: – Анфиса внезапно отменила все концерты и безоговорочно выплатила неустойку. А это знаешь, какие деньжищи? Но она заплатила и… исчезла. Никто не знает, ни что случилось, ни где она.

– Никита, она могла заболеть!

– В таком случае концерты не отменяют, а переносят. Анфиса не раз выступала с больным горлом и с температурой. Однажды у нее пропал голос прямо на сцене. Она очень переживала из-за переноса концертов, лично появлялась в Сети, отвечала на комментарии и сообщения. А сейчас – полная тишина. Только объявили, что можно вернуть билеты, и все.

– Никита, Анфиса в первую очередь – молодая женщина, которой могла надоесть публичность. Она могла тайно выйти замуж… – невольно втянулась в обсуждение Марьяна, забыв об остывающем на плите супе. – Или, может, она ждет ребенка и поэтому ушла в тень.

О грядущей свадьбе популярной певицы и известного бизнесмена Дмитрия Шестакова раструбили все таблоиды. Папарацци преследовали молодую красивую пару, выискивая в их отношениях что-нибудь эдакое, из чего можно было бы раздуть сенсацию. Однако ни Анфиса, ни Дмитрий не давали поводов для скандала, и журналисты сами раздували слухи. Поэтому, когда на пальце Анфисы кто-то заметил кольцо, об этом не написал разве что неграмотный.

– Она разорвала помолвку! – воскликнул Никита, вскочил с места и заходил от окна к столу. Два шага туда, два – обратно. От движения легкая цветастая занавеска заколыхалась, будто на ветру.

– Ну, так, может, их «расставание» – это очередной фейк! Сколько уже раз в прессе «разводили» Шестакова и Анфису! Чаще, наверное, только нашу теннисистку и испанского певца.

– Марьяш, понимаешь, я не у конкурентов вычитал об этом, а получил информацию от проверенного человека. Никто еще не успел написать о том, что Анфиса и Шестаков расстались! Я первый.

Никита снова проверил через свой смартфон сайт журнала и торжествующе воскликнул:

– Вот! Уже! Опубликовали! Ну, теперь начнется! Сейчас засуетятся наши конкуренты… Но мы все равно первые! Я – первый.

Он тщеславно улыбнулся, и Марьяна недовольно поморщилась. Брата, который был младше ее на восемь лет, она очень любила. Но на правах старшей сестры привыкла одергивать, если ей казалось, что он поступал невоспитанно.

– Никита, тебе не кажется, что… – начала Марьяна, моментально «включив» строгий тон старшей сестры. Но Никита ее перебил:

– Не понял… Уже? Так быстро?

– Что быстро? Конкуренты ответили такой же новостью?

– Да нет… – Никита потыкал пальцем в экран смартфона, сощурился, а затем расплылся в довольной улыбке. – Офигеть! Ну точно! Лучшее подтверждение тому, что Анфиса и Шестаков расстались!

– Я не понимаю, Никит.

– Статью удалили! Она и пяти минут не провисела! А что это значит? А значит, засуетились люди Шестакова! И раз среагировали так быстро, то были наготове! Мониторили! Расставание Анфисы и Шестакова – не фейк!

– Ты так радуешься, будто собрался сам жениться на ней! – не удержалась от сарказма Марьяна. Но Никита, продолжая счастливо улыбаться, качнул лохматой головой:

– Не-ет. Не собрался. Марьяш, ты что, действительно не понимаешь? Все это очень странно! Ситуация с Анфисой неординарная!

– Погоди… – остановила его Марьяна, но не потому, что хотела поставить окончательную точку в теме, а из-за пришедшей в голову догадки. – А что если это Дмитрий бросил Анфису, и она ушла в тень? Отменила все концерты, взяла тайм-аут, чтобы пережить расставание?

– Хм… – призадумался Никита, похлопал себя пальцами по подбородку – по такой же ямочке, какая была и у сестры, и после паузы произнес: – Годная версия.

Он машинально обновил сайт журнала с телефона и вдруг подскочил на месте.

– Что за… Сайт лег! Совпадение? Или…

– Никит, ты теперь даже в том, что сайт оказался недоступен, будешь искать подвох? – усмехнулась Марьяна и поставила на плиту сковороду, чтобы нажарить обещанной картошки.

– Я хочу узнать, что случилось! Почему…

Договорить он не успел, потому что его мобильный разразился резким треньканьем. Марьяна поморщилась, но ничего не сказала.

– Что?! – воскликнул Никита кому-то в трубку так громко, что Марьяна чуть не выронила из рук нож, которым нарезала картофель на тонкие дольки. – Ты рехнулся?! – с неожиданным отчаянием выкрикнул Никита в трубку. – Але? Але?! Вот козел!

Марьяна с тревогой проследила за тем, как брат швырнул телефон на стол, а затем рухнул на табурет и обхватил голову руками.

– Никит, что случилось?

Он лишь помотал головой. Марьяна выключила огонь под сковородой и тихо придвинула к брату другой табурет.

– Ник?

Она ласково коснулась ладонью его спины, погладила осторожно и испуганно, боясь задавать вопросы. Но Никита наконец-то поднял голову, посмотрел на Марьяну расстроенным взглядом и горько усмехнулся.

– Меня уволили. Насколько я понимаю, как раз из-за этой новости.

* * *

– Значит, это случилось двадцать лет назад? – уточнила Вита и аккуратно переступила через проржавевший обрез металлической трубы, валявшийся в молодой траве. Роман его не заметил и обязательно споткнулся бы, если бы не невольное «предупреждение» Виты.

– Да. А точнее, двадцать два. Мне тогда было семь лет. Я, конечно, мало что понимал из происходящего. Родители внезапно решились на переезд. Впрочем, папа давно просил о переводе ближе к столице и наконец-то его получил.

Вита кивнула, давая понять, что ничего странного в этом не видит. Роману и самому до какого-то момента перевод отца не казался подозрительным.

– Мне было жаль расставаться с этим местом. Городок хоть и небольшой, как многие гарнизоны, – одна улица из нескольких домов, школа, магазин и пара контор, но от нас было близко до этого парка аттракционов. Родители возили меня сюда почти каждые выходные.

– Сложно представить, что это все когда-то работало, – поежилась Вита, сунула руки в карманы и нахохлилась, став похожей на экзотическую птичку.

Ярко-малиновая прядь вздыбилась на затылке хохолком, ультракороткая стрижка напоминала оперение. Полы черного плаща Виты при ходьбе разлетались подобно крыльям. При этом она, пытаясь не споткнуться о каменные блоки, арматуру и обломки выцветших вывесок, аккуратно переставляла тонкие и длинные, будто у цапли, ноги, затянутые в малиновые колготки, и своей походкой еще больше вызывала ассоциации с птицей.

– Да, когда-то парк был полон жизни… – задумчиво протянул Роман и с сожалением покосился на вросший в землю остов лодки – остатки одного из аттракционов. Помнится, он очень любил кататься на лодочках и, может, раскачивал, жмурясь от восторга, именно эту.

– Черт! – громко выругалась Вита, потому что ветка поваленного на землю высохшего дерева оставила на ее колготках затяжку. Вита выставила ногу, оттянула пальцами ткань и снова выругалась, увидев, что затяжка увеличилась.

– Теперь только выбросить! – вздохнула она.

Роман не стал говорить, что раньше, в период тотального дефицита, девушки колготки не выбрасывали, а штопали. Он родился в тот год, когда огромная и нерушимая страна раскалывалась на неравнозначные обломки, привычная жизнь летела в тартарары, а новая казалась не столько светлой, сколько туманной. И пусть они выбрались из кризисов, привычка чинить порванные колготки осталась у мамы надолго.

– Значит, конец малинового периода? – не удержался Роман от подколки.

Вита метнула на него взгляд и хитро улыбнулась:

– У меня еще шесть пар есть! Я обычно покупаю сразу семь!

О необъяснимой страсти Виты к цветным колготкам Роман уже знал. И все бы ничего, но она каждый раз перекрашивала короткие волосы под цвет. Фиолетовые колготки – фиолетовое «оперение», зеленые – волосы окрашивались в соответствующий оттенок. Слава богу, каждый цвет Вита носила не меньше пары недель, иначе от ежедневной «цветомузыки» Роман сошел бы с ума. Его давно подмывало спросить Виту, как она поступает летом, когда из-за жары носить плотные колготки невозможно. Бреется налысо? И хоть каждый раз он удерживался от вопроса, ожидал в один из дней увидеть ее с голым черепом – в «тон» голым ногам.

– Значит, говоришь, из домов на вашей улице стали исчезать люди? – вернула Вита разговор в нужное русло.

– Да. Происходило это не резко, а незаметно. Просто в какой-то вечер не зажглись окна одной квартиры в доме напротив. Потом – другой. Поначалу никто не придал этому значения. Но потом, с каждым вечером, таких темных окон становилось все больше, и чернели они не только в доме напротив, но и в нашем. У нас была собака, помесь болонки и пуделя. Я гулял с нею днем, а вечером – кто-то из родителей. Однажды я услышал, как мама говорила папе, что в квартирах соседнего подъезда почти не осталось зажженных окон. А на улицах стало меньше народу. Например, мама уже несколько дней не видела знакомую продавщицу в хлебном отделе. Все это ее очень тревожило.

– Но люди могли куда-то переехать? Может, ваши дома массово расселяли?

– Ходили слухи, что часть собирались расформировать. Это вполне объясняло то, что поселок начал пустеть. К тому же я мог что-то не так понять из разговоров взрослых и навоображать себе бог знает что. К примеру, этот парк тогда мне казался огромным, а на самом деле он не такой уж и большой. Мне было семь-восемь лет, отсутствием воображения я, как и любой ребенок, не страдал и мог нафантазировать себе полностью опустевшие улицы и дома.

– И все же это оказалось не твоим воображением, – сказала Вита.

Дорога из разбитого асфальта, в трещины которого пробивалась трава, раздвоилась рогаткой. Одна дорожка заканчивалась покосившейся деревянной будкой кассы. Другая вела к автодрому. Когда-то здесь был шумный, привлекающий музыкой и светом аттракцион. Но сейчас это место представляло собой жалкое зрелище. Ржавые блоки ограды преданно охраняли периметр разрушенного временем, непогодами и вандалами автодрома. Сильная в жажде жизни сорная трава смело пробивалась к свету, «разъедая» остатки металлического покрытия. Ветер в хулиганских порывах давно сорвал крышу павильона, оставив лишь каркас, за который еще цеплялись металлическими дугами мумии двух потерявших цвет машинок. Отчего-то Роману подумалось, что безысходность достигла пика именно здесь, а не возле замершего навсегда чертова колеса или синусоиды американских горок. Может, потому что этот аттракцион был его любимым, несмотря на то что ради нескольких коротких минут восторга приходилось выстаивать бесконечные минуты томительного ожидания в длиннющей очереди. Но здесь всегда играла музыка и было шумно. А еще упоительно пахло резиной и электричеством, и это был аромат счастья и детства. Роман не удержался от соблазна и перепрыгнул через оградку.

– Ром? – засомневалась Вита, и ее оклик вернул его в реальность. Он оглянулся и увидел, что Вита, подобрав полы плаща, примеряется к высоте ограждения.

– Колготы окончательно порвешь, – усмехнулся Роман.

– А, все равно выбрасывать! – беспечно отозвалась она и перелезла к нему на автодром. Вышло это у нее очень ловко – с ее длиннющими ногами.

– Как здесь страшно! Будто на кладбище.

– Ты права. Мы и находимся на кладбище, – согласился он, приблизился к одной из машинок и бросил короткий взгляд на сиденье. Нахальный росток неизвестного деревца пробился даже сквозь пластмассу. Смерть закольцевалась с жизнью – как и должно быть.

– Мне здесь не нравится, – сказала Вита и оглянулась через плечо, будто почувствовав чей-то взгляд. Странно, но до этого она вела себя спокойно, поездку в заброшенный парк аттракционов восприняла даже с энтузиазмом. Роман не стал ее мучить, тем более что и времени до встречи оставалось немного, перелез через ограду и помог перебраться Вите.

– Пошли отсюда, – сказал он, решив, что прогулка по парку на сегодня закончена, но чувствуя, что она продолжится в другой день. – Игорь Степанович вот-вот подъедет.

– Значит, все рассказать сейчас мне не успеешь.

На ее губах играла кокетливая полуулыбка, но Роман не улыбнулся в ответ. Рассказать ей все – значит с разбегу нырнуть в омут давнего несчастья. За одними вопросами потянутся другие и обязательно те, на которые он не желает отвечать ни ей, ни кому-либо другому. Но что-то рассказать Вите все равно придется, раз он втянул ее в это дело.

Роман молчал до самого выхода из парка. И когда они миновали широкую арку с разбитыми лампочками, тихо, будто сам себе, произнес:

– Ходили слухи, что в поселке иногда замечали тех, кто из него уехал.

– Люди возвращались?

– Возвращались, – кивнул Роман. – Но люди ли?

– Чего? – отшатнулась Вита и посмотрела на него испуганным взглядом, ожидая, что он рассмеется, скажет, что специально пугает ее. Но Роман лишь заговорщицки подмигнул и, завидев в конце аллейки грузную фигуру неторопливо идущего им навстречу мужчины, приветливо махнул рукой.

Глава 2

– Кому в сложной ситуации вы позвонили бы первому?

– Я привыкла полагаться на себя, но если ситуация совсем сложная… Рыжему.

(из интервью Анфисы журналу «Мир шоу-бизнеса»)

Едва Анфиса включила смартфон, как тот разразился чередой трелей. Сорок девять сообщений и шестьдесят три пропущенных звонка. При том, что ее личный номер знали лишь несколько человек. Анфиса засомневалась, стоит ли открыть сообщения, но затем, так и не прочитав ни одного, решительно вытащила и разломила сим-карту пополам. Вот и все. С сухим хрустом симки будто треснула и ее жизнь. Как, оказывается, просто, в одну секунду, рушится все, что строилось годами: карьера, любовь, дружба. Теперь у нее нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее. И ее настоящее – навернувшиеся на глаза слезы и два крошечных обломка сим-карты на ладони. Анфиса сжала кулак, а затем, размахнувшись, забросила остатки пластика в кусты малины.

Не раскисать! Ситуация патовая, но это еще не финал.

Она вытащила из кармана куртки другой телефон – простенький, с которого нельзя выйти в Интернет, и вставила в него другую симку с единственным номером. А затем, не давая себе времени для сомнений, нажала на вызов. И когда ей ответили, решительно произнесла:

– Я все сделала.

На этот раз ей ответили молчанием. Но Анфиса не ждала ни похвалы, ни комментариев и за секунду до того, как в трубке раздались бы гудки, сама сбросила вызов. Вот и все. Сделано.

Она сунула в рюкзак ставший бесполезным смартфон, приподняла стоявший на грязном подоконнике горшок с растрескавшимся комом земли и увидела обещанный ключ. Замок, с виду хлипкий и ненадежный, поддался с неохотой. Дверь распахнулась с жалобным скрипом, сетуя, будто старуха, на тяжелую

жизнь. Из дома пахнуло пылью и сыростью. Анфиса поморщилась, но тут же мысленно приободрила себя: не страшно, она наведет порядок и уют, выкинет все старое, заплесневелое и гнилое, отмоет помещение до стерильной чистоты. Ничего другого ей все равно не остается.

Она бросила рюкзак на пол и осторожно вошла внутрь. Небольшая прихожая, в которой из «мебели» имелась лишь напольная вешалка, вела в большую комнату, смежную с маленькой спальней. По правую сторону от прихожей находилась ванная, а по левую – просторная кухня. На кухне Анфисе сразу понравилось: она представила себе, как расставит на широком подоконнике горшки с цветами, как развесит нарядные занавески, будет раздергивать их по утрам и любоваться в окно на утопающую в цвету яблоньку. Но окно еще предстояло отмыть, потому что сквозь грязное, будто закопченное, стекло силуэт яблони казался размытой тенью. Да и сама яблоня до нижних веток заросла бурьяном. Анфиса торопливо исследовала ящики и шкафчики кухни и убедилась в том, что они пустые и не настолько испорченные сыростью, как она опасалась. Тот, кто жил здесь до нее, содержал дом в порядке и чистоте.

То, что шкафчики были пусты, казалось и плюсом, и минусом. С одной стороны, не придется разбирать чужую утварь. С другой – ей даже не в чем вскипятить чай. Впрочем, ни чая, ни продуктов у нее тоже не было. Зато был пузатый холодильник с нее ростом, который, несмотря на свои малые размеры, обещал счастье. А еще счастье сулили система водопровода с нагревателем, подключенная к газовому баллону плита и духовка. Отлично! Анфиса уже в другом настроении исследовала комнаты и ванную и осталась довольна. Бывшие хозяева свои вещи вывезли, оставив только необходимую мебель: вполне сносную кровать с новым матрасом, шкаф для одежды и прикроватную тумбочку в спальне, круглый стол с двумя стульями, диван, раскладное кресло и пустой книжный шкаф – в гостиной. В ванной комнате вместо ожидаемого душа к своей радости Анфиса обнаружила глубокую ванну. Отчистит ее до белоснежного блеска и будет наслаждаться ежевечерними купаниями с пеной! Жизнь внезапно развернулась другим боком и даже улыбнулась не щербатой улыбкой. Дом оказался более чем пригодным к обитанию. Значит, и в том, что в ближайшей деревне можно купить все необходимое – от продуктов до одежды и предметов кухонной утвари – бывший владелец не обманул.

Анфиса спрятала рюкзак в шкаф, взяла с собой небольшую сумму наличными и аккуратно заперла дом.

Солнце, будто насмехаясь над всеми бедами, брызнуло в лицо ослепительными бликами. Теплый ветер расцеловал в щеки, стирая с них остатки слез. И Анфиса, улыбнувшись солнцу и ветру, спустилась с деревянного крыльца.

Тропа заросла влажной, напитавшейся сочной зеленью после недавних дождей травой. Ноги в мягких кроссовках тут же промокли, и Анфиса добавила в мысленный список резиновые сапоги. А еще решила приобрести сумку-тележку, чтобы не таскать покупки в руках, и, возможно, велосипед, потому что деревня находилась больше чем в километре отсюда, и это тоже было плюсом в расположении этого дома. Анфисе нужно было уединенное место, но в относительной близости от населенного пункта.

За ее участком сразу же начинался луг, и Анфиса остановилась, восхищенная естественной красотой травяного моря. Безупречную зелень нарушали яркие брызги желтых, красных и синих цветов. И эта картина невольно вернула ее в детство – в те немногие проблески счастья в затянувшейся мгле будней. Анфисе вспомнилось, как однажды она вышла на прогулку с пожилой испанкой Нурией, которая относилась к ней, как к родной внучке. Нурия в тот день отпросила восьмилетнюю Анфису у воспитателей, чтобы угостить сладким пирогом с ягодной начинкой и лимонадом. Дорога к дому испанки тоже вела через луг, и Нурия рассказывала Анфисе, а тогда еще – Рите Масленниковой, что-то о каждом цветке.

На секунду Анфисе показалось, что она стискивает теплую и жесткую руку своей благодетельницы. На глаза навернулись слезы, но не из-за воспоминаний, а потому что она не могла написать или позвонить Нурии. А пожилая женщина будет беспокоиться, читать в прессе объявления об отмене концертов и задаваться вопросом, что случилось с ее «пахаритой» – птичкой. Анфиса пожалела, что украдкой не отправила ей хотя бы короткое предупреждение. Но тут же напомнила себе, что тогда поставила бы под удар не только Нурию, но и близких друзей: Рыжего, Стефанию, Марину и Макса.

Она сделала медленный вдох-выдох, чтобы избавиться от ненужных сожалений, и решительно направилась через луг к одинокому дереву, раскинувшему, словно открытые ладони, густую крону солнцу. Бывший владелец сказал, что нужно дойти до этого дерева, а затем свернуть направо и, ориентируясь на старую водонапорную башню, идти прямо до дороги. И та приведет к деревенскому магазину, где можно купить товары первой необходимости. А если понадобится мебель, одежда или садовые инструменты, то из деревни до города ходит

автобус, который и привезет на рынок. Покосившуюся вышку с проржавевшей бочкой наверху Анфиса увидела сразу, как только повернула направо. Оставив за спиной дерево, породу которого не смогла определить, она бодро зашагала по направлению к этой бочке и вышла на дорогу.

В сельмаге, к радости Анфисы, не оказалось других покупателей. Хмурая продавщица смерила незнакомую покупательницу любопытным взглядом, но нужное отпустила молча.

Дома Анфиса первым делом поставила чайник и приготовила большой бутерброд из толстого ломтя хлеба и ветчины, а после обеда занялась уборкой. К тому времени, когда малиновые сумерки опустились на луг, дом был вымыт до блеска. В чистое до прозрачности окно заглядывала цветущая яблоня, аромат свежести наполнил помещение, изгнав из него затхлые запахи сырости. Анфиса закрыла окна, приняла ванну и легла в чистую постель. В сон она провалилась, будто в пропасть, и, несмотря на тревоги, спала крепко и без сновидений. Разбудил ее задолго до будильника скользнувший по щеке шаловливо луч солнца. Анфиса быстро позавтракала, переоделась в удобные штаны и толстовку, заплела длинные волосы в толстую косу и вышла из дома. Первый автобус в город уходил через сорок минут. Анфиса проверила в кармане список того, что собиралась купить, и зашагала к уже знакомому дереву по примятой накануне траве.

Но, пройдя две трети пути, она увидела в земле широкую трещину, которая бежала неровным зигзагом к дереву. Анфиса присела на корточки и раздвинула ладонями луговую траву. Трещина казалась глубокой, как разлом. Ночью случилось землетрясение, но она, устав после дороги и уборки, не почувствовала толчков? Глядя себе под ноги, Анфиса дошла до дерева и обнаружила другую пугающую странность: зеленое еще накануне, сейчас оно оказалось таким лишь с одной стороны. Другая же часть кроны высохла, и траву под ней густым ковром укрывала коричнево-бурая, как осенью, листва.

* * *

– Вот тут остановись, – скомандовал Никита, проследив в окно за нумерацией. На высоких воротах красовалась табличка с цифрой «77», им был нужен другой дом, но Никите понравилось высокое дерево с широкой кроной, в тени которого можно было спрятать машину. Марьяна послушно свернула к обочине и

припарковалась.

– Никит, мне кажется, это плохая идея.

– Это замечательная идея! – возразил он и в предвкушении потер ладони. Затем вытянул шею, проверяя, не идет ли кто по улице. Не то чтобы ему не хотелось привлекать чужого внимания, но на безлюдной улице было проще сделать фотографии и снять видео.

Он в очередной раз мысленно поблагодарил судьбу за такую удачу: нужный адрес был указан владельцами на их сайте. Сложнее было узнать, кто такой Рыжий, которого Анфиса однажды упомянула в интервью. Никита перерыл кучу публикаций, исследовал все официальные и личные страницы певицы, вступил во всевозможные фан-клубы и из крошечных пазлов собрал-таки нужную мозаику. Он даже нашел одну фотографию, сделанную после какого-то концерта. Судя по короткой стрижке Анфисы, это было одно из ее первых выступлений. Певица обнималась с загорелой девушкой, а рядом с ними, улыбаясь, стоял высокий рыжеволосый мужчина. Никита был упрям, если дело касалось расследований, не сдавался перед сложными задачами, иначе бы в его послужном списке не было столько интервью со «звездами». Поэтому он выяснил не только имя того загадочного Рыжего – Данила Крушинин, но и его профессию, и адрес.

– Никит, – попыталась урезонить его Марьяна, но уже по привычке, потому что проиграла еще в тот момент, когда согласилась отвезти брата за город.

– Все будет хорошо! – бодро отозвался он и распахнул дверь. – Подожди меня здесь! Я пройдусь пешком.

– Не думаю, что с тобой захотят разговаривать, – полетело ему вслед. Но Никита уже захлопнул дверь, вытащил телефон и сделал несколько снимков улицы, затем включил видео и, на ходу надиктовывая, зашагал к нужному дому. Однако возле двери он замешкался и сунул мобильный в карман. Эта семья занималась дрессировкой собак, включая тех, с которыми не могли справиться их хозяева. Никита тут же представил, как на звонок к воротам принесется свора из питбулей и бультерьеров, и его решимость впервые за утро дала трещину. Но он тут же напомнил себе, что сдаваться – не в его стиле. С Крушининым он поговорит, даже если придется оставить в зубах питбуля свою филейную часть.

Многие коллеги ведут репортажи из горячих точек и ради сенсационного материала рискуют собственной жизнью. А тут, подумаешь, собаки! И Никита решительно надавил на кнопку звонка.

К его удивлению, не раздалось ни лая, ни другого шума, выдающего наличие за забором псов. Никита даже подумал, что ошибся и сделал шаг назад, чтобы убедиться в правильности адреса, но в этот момент дверь рядом с воротами распахнулась.

Открыл ему сам хозяин, и это показалось хорошим знаком.

– Здрасьте! – бодро поздоровался Никита и заулыбался как можно приветливее, желая сразу расположить к себе того, кого Анфиса считала близким другом. В реальности Крушинин оказался не светло-рыжим, как на фотографии, рыжина его была скорее каштанового оттенка, и носил теперь Данила короткую стрижку и стильную бородку. Но все равно Никита узнал бы его, даже если бы случайно встретил на улице.

– Здравствуйте, – спокойно поздоровался хозяин, скользнул взглядом по Никите и опустил глаза, будто надеясь увидеть кого-то еще. Собаку – кого еще. Сюда наверняка приезжают сразу с псами. Никита внезапно почувствовал себя неловко. И не только потому, что явился по другому делу, но и еще потому, что Крушинин был на целую голову выше его, и это «автоматом» давало ему преимущество.

– Эм… – начал Никита, потому что хозяин дома продолжал терпеливо выжидать, при этом загораживая гостю обзор и все еще не приглашая пройти.

– Мне вас порекомендовали, – ляпнул Никита совсем не то, что собирался. Но взгляд Крушинина внезапно потеплел, на его губах даже появилась улыбка. Данила отступил в сторону и пригласил гостя жестом.

– Какая порода?

– Что? – не понял Никита, направляясь следом за хозяином через двор к небольшой беседке.

– Какой породы ваша собака? – терпеливо пояснил Крушинин, оглянувшись на него через плечо.

– Эм… – замялся Никита и мысленно отругал себя за такой промах. Нужно было хотя бы почитать что-нибудь о породах собак в Интернете, перед тем как отправляться в гости к кинологу! Ошибкой было настроиться лишь на беседу о певице и не проработать «собачью» тему.

– Пудель! – выдал Никита первое, что пришло на ум. – Такой, знаете… кудлатенький! Танцует на задних лапках вот так…

Он сложил руки перед грудью наподобие лапок, высунул язык и изобразил нечто подобное собачьему танцу. Похоже, импровизация удалась на славу, потому что Крушинин снова улыбнулся. А этот кинолог ничего, приятный, добрый и, похоже, открытый! Человек, который любит собак, не может быть злым и сердитым. Никита совсем приободрился, решив, что беседа пойдет как по маслу, и украдкой окинул взглядом двор: просторно, чисто и светло. Неподалеку от крыльца располагались качели, что выдавало наличие в семье детей. Рядом с домиком для игр валялись два розовых самоката. А возле цветочной клумбы Никита разглядел небольшую песочницу. В другой стороне, неподалеку от беседки, к которой вел его хозяин, на аккуратно подстриженном газоне стояла пара длинных столов и скамеек и, чуть дальше – барбекюшница. Похоже, в этом доме часто собирались большими компаниями. Все было обустроено для приятного времяпровождения, но ничего намекающего на род занятия, указанного на сайте, Никита не заметил.

– Тренировочная площадка находится не здесь, – пояснил Данила, перехватив его взгляд. И, решив, что лучше показать гостю ее расположение, провел мимо беседки к сетчатому забору, отделяющему жилую зону от большой лужайки. Рядом с ограждением находились какие-то постройки, а вдали Никита заметил что-то похожее на «полосу препятствий» – бревна, щиты, конусы.

– Там – площадка. А рядом с домом будет питомник. Мы уже его обустроили.

– А… А я думаю, почему так тихо? – засмеялся Никита, возвращаясь с хозяином к беседке. Присел на скамейку, на которую ему гостеприимно указал Крушинин, и побарабанил пальцами по колену, думая, как бы свернуть разговор на нужную тему.

– Занятия начнутся меньше чем через час, и собак привозят к другому входу, – пояснил Данила, присаживаясь напротив Никиты. – Так расскажите о вашей собаке. Какой возраст, как зовут, где и в каком возрасте вы ее взяли, как прошла адаптация. Но лучше начните с проблемы.

– С проблемы?

Краем глаза Никита заметил, что дверь в доме приоткрылась и на крыльцо вышла девочка лет четырех в белой кофточке и джинсовой юбочке. Ее волосы того же оттенка, что и у отца, были заплетены в две растрепавшиеся косички, выбившиеся из прически прядки мелко завивались, образовывая над головой темно-рыжее облако. Девочка держала под передние лапы серую кошку, задние лапы которой безвольно болтались, как у тряпичной куклы. Бедная животина то ли уже смирилась со своей участью, то ли была полужива после игр с малолетней хозяйкой, то ли просто оказалась настолько ленива, что ей было все равно, что с нею творят. Но не успела девочка присесть на скамейку возле детского домика, как дверь снова с громким стуком распахнулась и по ступеням слетела огненным солнцем еще одна девочка, одетая в оранжевый комбинезон. У Никиты аж в глазах зарябило от такого буйства рыжего.

– Какие у вас с собакой сложности? – вернул его внимание Данила. Разговор принимал не тот оборот, рискуя окончательно скатиться в собачью тему. А времени на все – меньше часа, потому что потом Крушинин уйдет заниматься с чужими псами. Но только Никита собрался признаться, что приехал он совсем по другому делу, как со стороны дома раздался пронзительный визг. Никита испуганно оглянулся и увидел, что девочки уже делят кошку: одна тащит ее на себя за передние лапы, другая – вырывает из рук сестры за задние. Но вопила совсем не кошка, визжали дуэтом близнецы.

– Эмма! Алиса! – мгновенно среагировал Данила. – Оставьте Плюшку в покое! Считаю до двух!

Девочки одновременно разжали руки, и кошка плюхнулась в траву на лапы. Никита ожидал, что она мгновенно начнет удирать от мучительниц, но кошка так и осталась лежать на месте. Более того, принялась неторопливо вылизывать лапу. А близнецы уже переключились на самокат: несмотря на наличие второго, им обеим понадобился именно тот, который лежал ближе всего. Данила и тут быстро разрешил спор окликом, и одна из девочек, та, что была в юбке и кофточке, послушно отошла ко второму самокату. Никита проследил за тем, как

близняшки разгоняются по бетонной дорожке, уводящей за дом, и развернулся к Даниле.

– На самом деле, я приехал поговорить с вами не о собаках, – решительно произнес он. – Хотя о собаках мы тоже можем побеседовать! В другой раз! Я с удовольствием напишу о вас и ваших питомцах целую статью…

– Так вы журналист? – прямо спросил Данила и прищурился. Теплый медовый оттенок в его глазах растворился в холодной зелени, и Никита сразу понял, что этот взгляд Крушинина не сулит ничего хорошего. Но увиливать не стал.

– Да. Я приехал поговорить о вашей подруге. Анфисе. Вы знаете, что она пропала?

– А вы знаете, где она находится? – ответил вопросом на вопрос Крушинин, поднимаясь со скамьи. Ответил язвительно, без тени любопытства или беспокойства, и скрестил на груди руки. Никита тоже вскочил с места, но Данила в силу своего роста продолжал угрожающе нависать над ним.

– Нет, но… Это я и хочу выяснить, где Анфиса и что с нею случилось!

– Полиция пусть выясняет, а не журналюги.

– Но Анфиса ваша подруга! Неужели вам не страшно за нее? Не интересно, куда она пропала и…

– Вот именно! Анфиса – моя подруга! Поэтому я не собираюсь обсуждать ни ее жизнь, ни ее решения, ни ее саму с кем попало!

– Ее решения?.. – ухватился за фразу, как за обламывающийся вокруг лед, Никита, все еще пытаясь выцепить из разговора что-то полезное для себя.

– Сам уйдешь или вышвырнуть? – тихо поинтересовался Данила и сделал в его сторону шаг. То, что Крушинин с ним справится, как со щенком, Никита понял сразу, поэтому послушно закивал и попятился. Рыжие девочки уже накатались на самокатах и теперь с визгом кидались песком в песочнице. Полосатая кошка улеглась на крыше домика, подставив спину майскому солнцу. Окно на первом

этаже распахнулось, в него высунулась по пояс молодая женщина и что-то крикнула девочкам. Вокруг продолжалась обычная жизнь. А вот жизнь Никиты, судя по нехорошему прищуру хозяина дома и холодной зелени в его глазах, оказалась в опасности. Какое счастье, что бультерьеров это огненное семейство не держит!

– Поживей, поживей. Выход – там, – поторопил его Данила, и Никита попятился быстрее. Но, уже очутившись на улице, успел крикнуть:

– Анфису могли похитить! С нею могло случиться несчастье!

Ответом ему был красноречивый грохот захлопнувшейся двери.

Никита с мгновение гипнотизировал взглядом дверь, но звонить повторно не стал. Ему не откроют. Разговор, на который он возлагал такие надежды, с треском провалился. И провалил его Никита сам. Это он-то, который умудрялся выводить на откровенность самых неприступных «звезд». Позор!

Никита потоптался на месте, затем отошел в сторону, но не вернулся в машину, а остановился на обочине, давая себе время остыть после провала и морально подготовиться к Марьяшиному восклицанию: «А я же говорила!»

Но только он решил вернуться в машину, как фортуна внезапно повернулась к нему лицом. Дверь снова открылась, и на улицу вышла молодая женщина, которую Никита видел мельком несколько минут назад. Следом за хозяйкой появился высокий беспородный пес, а за ним, переступая длинными лапами, молодой волк.

Волк! Никита от неожиданности аж крякнул. Боялся бультерьеров, а в семье кинолога, оказывается, живет хищник! Повезло, что Крушинин не натравил на неугодного «гостя» своего… питомца.

Молодая женщина тем временем завела за ухо волнистую темную прядь и, не оглянувшись, повела на поводках пса и волка на прогулку. Улица заканчивалась широким полем, в конце которого темнела лесная посадка. Туда эта странная троица и направилась. Никита обрадованно улыбнулся, пригладил взъерошенные волосы и бесшумно двинулся следом в надежде, что эта «Красная Шапочка», приручившая волка, окажется куда дружелюбнее своего супруга и

расскажет что-нибудь об Анфисе. Как же зовут жену Данилы? Имя у нее было необычным, иностранным и красивым. Такой же красивой была и она сама: ее фотография была на сайте, и Никита, помнится, задержался на странице, рассматривая необычные черты и редкого аквамаринового оттенка глаза супруги Данилы. Как же ее зовут? Стефания! Имя всплыло в памяти сразу, едва Никита мысленно представил себе страницу с фотографиями.

Он следовал за этой Стефанией, которая из-за невысокого роста и стройной фигуры казалась девчонкой, особенно на фоне высокого пса и длиннолапого волка, и прикидывал, как завязать беседу так, чтобы не вызвать у хозяйки желания спустить на него зубастых телохранителей. За то, как ловко Стефания управлялась и с псом, и с волком, Никита сразу проникся к ней и симпатией, и уважением. Впрочем, если она научилась укрощать малолетних рыжих бестий, то справиться с волком для неё – раз плюнуть.

Дорога тем временем сузилась до тропы. Стефания наклонилась к «телохранителям», до этого мирно шагавшим рядом по обе стороны от нее, и отцепила поводки. Взрослый пес отошел в сторону степенно, неторопливо задрал заднюю лапу и вдумчиво пометил высокую травинку. А молодому волку будто вставили под хвост петарду: он стартанул к лесу с такой скоростью, что только его и видели.

– Грэй! – крикнула Стефания, а затем приказала оглянувшемуся на нее беспородному псу: – Дик, верни его!

И, к удивлению Никиты, пес послушался и помчался к лесу. Но еще больше ошарашило то, что собака сумела остановить волчонка и заставить его повернуть к хозяйке. Никита, едва не выдав свое присутствие, изумленно вскрикнул. Но Стефания ничего не услышала, потому что в это время ответила на звонок.

– Да, Марин. Как вы?

Продолжая на ходу разговаривать, она неторопливо шла дальше – туда, где резвились у кромки леса волк и беспородный пес. Расспросив неведомую собеседницу о младенце и прочих мамских сложностях и радостях, Стефания с тяжелым вздохом произнесла:

– Нет, Марина. Об Анфисе новостей нет. Ее телефон по-прежнему недоступен, никаких сообщений она нам не прислала. Я места себе не нахожу от беспокойства, и Данила тоже. Мы заявили в полицию, но пока ничего не известно. Ее могли похитить, чтобы как-то повлиять или надавить на Дмитрия. Ты понимаешь… С его бизнесом, деньгами, оборотами, конкурентами и прочим… Но Анфиса заплатила все неустойки по отмененным выступлениям! Если бы ее похитили, успела бы она это сделать? Да и ее менеджеры скорее перенесли бы концерты, чем решились на такие убытки. Ты тоже думаешь, что она готовила свое исчезновение? Но почему никому из нас не позвонила? Она бы приехала к нам… Я боюсь, что вдруг она открыла то, что не должна была… Ну, ты понимаешь. И провалилась туда. Но эту версию полиции не расскажешь! Только мы с Данилой и вы с Максом понимаем…

Она внезапно оглянулась, и Никита, застигнутый врасплох, растерянно улыбнулся. Стефания резко оборвала разговор, сунула телефон в карман и нахмурилась.

– Э… Это у вас волк?! Простите, не удержался. Увидел и пошел за вами, чтобы спросить.

– Собака, – сухо ответила Стефания, явно не купившись на эту отговорку. Ее муж не мог не предупредить, что вокруг их дома шныряет пронырливый журналист. – Чехословацкий влчак.

– Спасибо. Мечтаю о такой! Пойду погуглю, – поспешно пробормотал Никита, дабы избежать расспросов, раскланялся и, под строгим взглядом Стефании, развернулся. Он почти бежал, то и дело ожидая нападения сзади, и путь к машине преодолел за считанные минуты. И только уже оказавшись рядом с сестрой и отдышавшись, с чувством произнес:

– Марьяш! Нам срочно нужна собака! Вернее, тебе!

Он кратко изложил свой план, но в ответ получил лишь возмущенный вопль Марьяны:

– Рехнулся?!

– Марьяш! Другого выхода нет. Эти Крушинины меня знают в лицо! И знают, что я интересуюсь Анфисой. А вот тебя они не видели. Приедешь к ним под видом владелицы собаки и…

– Ни за что!

– Марьяш, – заканючил Никита. – Это дело – очень интересное! Стефания много чего наговорила по телефону. Она что-то знает, вот чую!

– Тебя из-за этого интересного дела уволили!

– Во-от! Уволили! Значит, мне нужно искать новую работу! И дело об исчезновении Анфисы – мой шанс! Если я нарою сенсационный материал, мне не только за него хорошо заплатят конкуренты, но и другое дело закажут! А еще я блог раскручу! Блогеры тоже, знаешь, сколько получают на одной рекламе? Марьяш, это все для дела! Тебе только нужно будет повозить собаку на занятия…

– Да какую собаку, шут ты такой?! Нет у меня никакой собаки!

– Будет! – клятвенно пообещал Никита.

– Да на кой она мне сдалась?! Сроду у меня не было собаки! И не хочу я ее заводить!

– Марьяш, – зашел с другой стороны Никита. – Собака – это компания. Ты же одинока и…

– Вот сейчас стало обидно! – зло бросила Марьяна и в сердцах стартанула с такой скоростью, что Никиту аж вжало в сиденье.

Глава 3

– Чего вы никогда не простите близкому человеку?

– Предательства.

(из интервью Анфисы порталу «Леди»)

Жирная муха билась в немытое стекло, и ее жужжание раздражало до зубного скрежета. Роман отложил папку, открыл форточку и выпустил насекомое на волю. Но не вернулся за стол, а с тоской бросил взгляд на улицу, где во дворе плотно теснились припаркованные машины. Он поискал взглядом свою и тихо вздохнул: из-за духоты хотелось уйти домой пораньше – к холодному душу, ледяному пиву и вентилятору, но стопка пыльных папок из архива недвусмысленно намекала, что рабочий день затянется до полуночи.

Еще с утра было прохладно, и казалось, что май так и перейдет в июнь без ожидаемого потепления, но к обеду город накрыла душным одеялом жара. Роман оттянул тесный ворот рубашки и расстегнул еще одну пуговицу. К черту условности, все встречи закончились в первой половине дня. Галстук давно повис безжизненной змеей на спинке кресла, а пиджак так и валялся на стуле для посетителей, куда его бросил Роман еще в обед. Если бы не встречи, которые нередко случались неожиданно, он сменил бы «униформу» на неформальные джинсы и поло. Впрочем, к черту условности… Плюет же на них Вита, остановившаяся на таком экстравагантном стиле одежды, ездит с ним на встречи, подкупает клиентов профессионализмом.

Кстати, о Вите. Роман шагнул к выходу с намерением спросить, как у нее продвигаются дела. Но Вита опередила его, распахнула дверь и вошла в кабинет. На ней, несмотря на жару, были все те же плотные колготки малинового цвета и черное короткое платье.

– Что-то нашла? – Роман отвел взгляд от ее длинных ног и с трудом подавил желание спросить, не жарко ли ей. Жарко. Как и ему. Но она не подает виду, терпит ради красоты и стиля. Так что он там говорил про «к черту условности»? Кстати, надо попросить Виту вызывать техника, чтобы тот починил неработающий кондиционер.

– Нашла, – коротко ответила она, аккуратно повесила его пиджак на спинку стула и присела. – Я посмотрела архивы за период с девяносто седьмого по девяносто девятый годы и нашла еще два похожих случая. Вместе с тем, о котором мне рассказал ты, их уже три. Два произошли в России, третий – годом

раньше в испанском поселке.

– Давай про наши, – попросил Роман, обошел стол и сел в свое кресло.

Вита открыла тетрадь и, не отрывая взгляда от исписанных мелким почерком листов, сказала:

– Все случаи произошли с разницей в несколько месяцев. Твой город оказался третьим. Вторым был на Севере.

– Тоже военный? – спросил Роман.

– Эм… Уточню.

Он кивнул, и Вита продолжила:

– Все происходило по похожему сценарию: природные катаклизмы, сокращение светового дня, гибель животных и птиц. Кстати, в твоем городе имелся водоем?

– Озеро за лесом. Вода в нем была чистой, но стала мутной. Живность погибла. Дай мне название всех поселков, Вита.

Она продиктовала координаты.

– Нужно проверить другие года, – вздохнул Роман и кивнул на стопку папок. – Игорь Степанович не исключает цикличность. Надо проверить, происходило ли что-то похожее в период с двухтысячного года и по наши дни, или те случаи единственные. Ну, за исключением того, что нечто похожее начало происходить сейчас. Прежде чем заниматься нынешним случаем, нужно изучить прошлые. Возможно, Игорь Степанович ошибается и это лишь совпадение. Хорошо бы, если так…

Роман сделал паузу, невольно вспомнив то, что случилось в его городе, и вновь усомнился, правильно ли поступает, возвращаясь к тому делу. Ведь он «отпустил» историю в прошлом, усмирил жгучее желание докопаться до правды, и Игорь Степанович это тоже понимал. Тогда зачем…

– Ром? – окликнула Вита, встревоженная его молчанием. – Все в порядке?

Он моргнул и натянуто улыбнулся.

– Да. Кстати, раз ты обнаружила упоминание чего-то похожего в Испании, значит, нужно расширить географию поиска. Давай начнем с текущего года, а потом покопаемся в прошлом. Иначе совсем зароемся. Посмотри международные новости за последние два года. Если что-то было, думаю, заметишь.

– Поняла, Ром, – отрапортовала Вита, встала и одернула короткое платье. Он с тоской покосился на стопку пыльных папок, которые им привез полковник Игорь Степанович. Папки нужно вернуть в архивы, так что придется заняться в первую очередь ими. Причем, именно ему, раз Вите он уже дал задание.

– Похоже, сегодня буду ночевать тут, – проворчал Роман. – Все бы ничего, если бы не жара…

– Я позвонила в сервис, завтра придет техник и посмотрит кондиционер.

– О! Опередила.

– Не в первый раз, – улыбнулась Вита и подмигнула. – Пиццу и холодное пиво тоже уже заказала. На двоих. Так что будем вместе здесь куковать.

– О боже! Я на тебе женюсь, Вита! – расчувствовавшись, воскликнул Роман, но она качнула коротко стриженной головой:

– Я не кручу служебные романы, тем более с начальством.

– Тогда придется тебя уволить.

– И это станет твоей ошибкой!

– Ты права, – притворно вздохнул он и хитро прищурился. – Кто ж еще будет со мной сидеть до ночи в такой духоте и чихать от пыли над старыми бумажками?

– Да уж. Так себе план на вечер, – скривилась Вита.

– Тебе не обязательно оставаться. Если у тебя другие планы – пойму.

– План был, но сорвался. Если бы не сорвался, то даже под угрозой увольнения не стала бы задерживаться, дорогой начальник! Я ни за что не пропустила бы концерт Анфисы, если бы его не отменили.

– Кто такая эта Анфиса?

– Да ладно! – непритворно изумилась Вита. – Мегапопулярная певица! Не может быть, чтобы ты о ней не слышал.

– Я не поклонник современной попсы. Мне подавай старый добрый рок.

– Попсы! – возмущенно фыркнула Вита. – Сразу ясно, что ты не знаком с творчеством Анфисы! Но даже если ты не ее поклонник, не мог о ней не слышать! О ней кто только не пишет. Особенно в свете ее романа с бизнесменом Шестаковым.

– О Шестакове слышал, но светские хроники меня не интересуют.

– Ясно. Хотя… если ты не слышал, как поет Анфиса, то много потерял.

– Ладно. Почти уговорила. На следующий концерт схожу с тобой.

– Если они еще будут, концерты. Анфиса внезапно исчезла, – огорченно вздохнула Вита, поднялась и направилась к выходу. Роман проследил за ней взглядом и, ощутив укол совести, подумал, что надо бы рассказать Вите всю историю, чтобы знала, во что он ее втягивает. Она – славная девушка, а из-за этого дела у них могут быть проблемы.

Когда за Витой закрылась дверь, он с неприязнью посмотрел на папки, а затем вошел в Интернет и отыскал ролики с выступлениями певицы.

* * *

Старый автобус всю дорогу дребезжал, «жалуясь» на жизнь, «кашлял» изношенным мотором и нещадно дымил. В салоне отчаянно воняло соляркой, и Анфису начало укачивать. Она пошарила в карманах в поисках карамельки или мятной жвачки. Но карамель она не ела, а жвачка осталась в сумочке, а значит, в прошлой жизни. Анфиса привалилась щекой к грязному, но холодному стеклу в надежде, что тошнота отступит. Дотянуть бы до нужной остановки! Всего-то ничего осталось. Желая отвлечься, Анфиса мысленно принялась вспоминать по списку все, что собиралась купить на рынке, – от продуктов до кухонной утвари. Но и это удавалось плохо. Сидевшие впереди женщины на весь салон обсуждали некую Клавдию, которая нагло оттяпала у одной из собеседниц полметра участка, установив забор не там, где следовало. А за спиной прыщавый подросток слушал музыку в наушниках, и долетавшее до слуха монотонное «биц, биц, биц» выклевывало мозг.

На очередном ухабе автобус чуть не растерял свои плохо прилаженные железяки, из-за чего желудок Анфисы подскочил, казалось, к самому горлу. Она торопливо зажала рот ладонью и ринулась к выходу. Как вовремя автобус остановился! Анфиса вылетела на улицу. И прежде чем двери захлопнулись за ее спиной, она успела услышать, как одна из теток все так же на весь салон объявила:

– Девка, видать, беременная! О как скрутило!

Беременная… К счастью или к сожалению – нет. Анфиса согнулась, уперлась руками в колени и крепко зажмурилась, а затем сделала медленный вдох-выдох. Свежий воздух быстро привел ее в чувство, тошнота отступила, Анфиса отерла ладонью взмокший лоб, сверилась с расписанием и увидела, что следующий автобус будет только через сорок минут. За это время можно и пешком дойти. Она откинула за спину заплетенные в две косы волосы, сняла куртку и двинулась по пыльной обочине в сторону города.

В пути она то и дело оглядывалась, проверяя, не едет ли машина, но не за тем, чтобы попросить водителя подвезти до города, а наоборот, чтобы вовремя уйти с обочины. Ей не хотелось к кому-либо подсаживаться, поддерживать неинтересный разговор и отвечать на чужие любопытные вопросы. Но дорога оставалась пустынной. Хоть в этом повезло.

Вскоре показалась первая на пути деревня. Анфиса зашла под козырек пустой остановки и присела на скамейку отдохнуть. По ту сторону дороги раскинулся зеленый луг, похожий на тот, что был рядом с ее домом, и она невольно вспомнила странность, которая случилась с деревом. Почему за одну ночь оно засохло с одной стороны, а с другой так и осталось зеленым? Связано ли это как-то со вспоровшей землю трещиной?

Спохватившись, что время уходит, Анфиса поднялась. Пусть ее дни теперь не подчиняются расписанию, но на рынок лучше прийти пораньше, чтобы застать свежую зелень, рыбу и домашнюю ряженку. Помимо продуктов Анфиса планировала купить посуду и всяких нужных в хозяйстве вещей, а потому домой собиралась вернуться на «такси»: возле рынка на специальном пятачке дежурили в ожидании нагруженных покупками клиентов частники. Жительницы деревень, которым было по пути, объединялись и брали машину на всех. Анфиса не хотела ни к кому подсаживаться, поэтому машину зарезервировать нужно пораньше.

Она поправила завязанную на талии куртку и только тогда заметила, что находится на остановке не одна. Из-за мешковатой одежды, худобы и несоразмерно длинных конечностей Анфиса приняла этого присевшего на край скамейки человека за подростка. И лишь когда он к ней развернулся, увидела, что его загорелое лицо с мелкими чертами испещряют морщины, а кустистые брови – белые, будто припорошенные мукой. Голову пожилого мужчины покрывала старомодная фетровая шляпа, тощие запястья торчали из обтрепанных рукавов явно короткой ему болоньевой куртки. Незнакомец таращил на Анфису по-детски круглые глаза, и она, смутившись, кивнула в знак приветствия.

– Хы-хых-х! – протяжно выдохнул старик и дернул рукой, в которой держал поводок. Анфиса невольно опустила взгляд, ожидая увидеть кудлатую беспородную собачонку, но с изумлением обнаружила розового, в засохших пятнах грязи поросенка.

– Хых! – снова то ли вздохнул, то ли фыркнул странный незнакомец, а поросенок задрал вверх пятачок и приветственно хрюкнул. Анфиса засмеялась и протянула поросенку руку. Тот смело ткнулся влажным пятачком ей в ладонь. Ощущение было необычным и неожиданно приятным. Анфиса осмелела и слегка почесала животное за ушком, а затем, спохватившись, что не спросила позволения у хозяина, подняла на него взгляд. Но незнакомцу, похоже, понравилось то, что

его питомец вызвал симпатию: он скривил набок рот, что, видимо, означало улыбку, и часто-часто заморгал. Анфиса снова погладила поросенка и выпрямилась.

– Мне пора! – сказала она и тоже улыбнулась. Поросенок с хрюканьем обнюхал ее кроссовки, а незнакомец снова «хыкнул».

Анфиса уже развернулась, чтобы уйти, как вдруг услышала:

– Пти-ичка…

– Что? – удивленно спросила она и оглянулась. Лицо мужчины жалобно скривилось, словно он собирался заплакать, уголок рта поехал к уху, а глаза увлажнились.

– Птичка, – выдохнул он, указал пальцем на небо, а затем резко опустил руку. – Хы-ы-ых! Нема!

Не понимая, что он хочет ей сказать, Анфиса на всякий случай кивнула и состроила скорбную мину.

– Нема, – повторил чудаковатый старик, собрал губы в трубочку и громко выдохнул. Анфиса развела руками, вежливо улыбнулась и попятилась. Убедившись в том, что он так и сидит на лавке, пася поросенка, она развернулась и торопливо отправилась прочь.

За все время пути ей больше никто не встретился. Но когда до города оставалось совсем немного, Анфиса заметила, что впереди путь усеян темными кляксами. В первый момент она приняла их за земляные комья или коровьи лепешки, но когда подошла ближе, увидела, что «кляксой» на самом деле оказалась мертвая ворона. Анфиса вздрогнула и аккуратно обошла ее. «Пти-ичка, хых!» – вспомнила она слова незнакомца с остановки и торопливо миновала остаток пути, стараясь не смотреть на усеивающие дорогу тушки птиц. А когда увидела впереди парковку с машинами, перешла на бег. Но даже пробежка не помогла избавиться от неприятного осадка. Слышала ли она утром птичье пение?

За несколько метров до стоянки Анфиса перешла на шаг, издали оглядела припаркованные машины и направилась прямиком к прохаживающемуся возле старенькой «Ауди» водителю – договариваться.

В рыбном ряду ожидало разочарование: прилавок оказался пуст. Не рыбный день? Не было привоза? Потоптавшись в растерянности на месте, Анфиса вернулась к овощным рядам, а затем прошла к молочным – за деревенскими творогом и ряженкой.

– Вы не знаете, почему сегодня нет рыбы? – спросила она у веснушчатой торговки, принимая покупки.

– Так уже неделю нет! – пожала та полными плечами. – Ушла из реки. Если нужна рыба, то езжай в четверг на Суховский рынок. Это час езды отсюда.

Анфиса выслушала подробные инструкции, поблагодарила женщину, отнесла пакеты в машину и вернулась к посудным рядам. По пути ей встретился газетный киоск, и она невольно замедлила шаг, заметив выложенную на прилавке свежую прессу. «Куда пропала известная певица?» – гласил заголовок к размещенной на обложке фотографии. Анфису сняли под руку с Дмитрием, когда они выходили с одной из презентаций. Тогда они оба были счастливы, смотрели не в объектив, а друг на друга и улыбались. Незадолго до этого Дима сделал ей предложение, и Анфиса его приняла. Они были счастливы, полны планов на будущее, Дима даже собирался организовать Анфисе гастроли по Европе. Но все оказалось разрушено в одно мгновение – их будущее, ее карьера и жизнь. Она сама.

Анфиса задержала взгляд на фотографии, с горечью глядя на себя – такую красивую и счастливую, а затем, преодолев соблазн купить журнал, опустила голову, чтобы ее не узнали, и решительно прошла мимо. Настроение было окончательно испорчено.

Глава 4

– В какой стране еще вы хотели бы родиться?

– В Испании.

(из интервью Анфисы журналу «Кругозор»)

– Ты рехнулся?! Совсем брякнулся своей кудрявой башкой! – полыхала праведным гневом Марьяна, не давая вставить Никите ни слова. Уперев руки в боки, она наступала на него до тех пор, пока совсем не загнала в угол.

Никита прижался лопатками к холодной стене, выставил вперед ладони и вновь попытался утихомирить разбушевавшуюся сестру:

– Марьяш… Это ненадолго! Лишь для задания…

– Ненадолго?! – взревела Марьяна и махнула рукой в сторону развалившегося на паркете бездомного пса размером с королевского дога, в чьей немытой шерсти запутались репьи. – А потом куда его денешь?! Обратно на улицу выбросишь?!

– Ну… Я еще об этом не думал.

– Не думал! Ты вообще перестал думать!

– Марьяш, ну мы же обо всем договорились, – заныл Никита и коснулся её запястья. Но Марьяна отдернула руку, будто обожглась о крапиву.

– Не договорились! Я была против!

– Марьяна, я остался без работы! И эта псина – мой шанс сделать сенсационный материал! – перешел в ответное наступление Никита, поняв, что разжалобить сестру не удастся. Виновник ссоры повел карим глазом, поднялся на длинные лапы, процокал когтями по паркету и бухнулся на светлый ковер. К счастью, сестра этого пока не заметила.

– Так забирай этого кобеля себе! Я тут причем?!

– Марьяна, я же все объяснил, – устало вздохнул Никита. – Тебе лишь нужно повозить псину на занятия к инструктору и выяснить, что Крушинин и его жена знают о пропаже Анфисы.

– И как ты себе это представляешь?! Как я буду их расспрашивать?!

– Ну… Не знаю. Что-нибудь придумаешь! – сдался Никита и заглянул Марьяне за плечо. Пес с наслаждением принялся чесать себя за ухом, усеивая ковер блохами, репьями и комьями засохшей грязи.

Марьяна нервно дернулась на звук и, увидев такую картину, зашлась в крике:

– А ну пошел отсюда! Ишь!

Пес покосился на нее, но с места не сдвинулся. Никита, глядя на собаку, невольно поднес руку к своей шевелюре и поскреб затылок.

– У него же блохи, как кони! Вон, аллюром уже по ковру скачут! – продолжала кричать Марьяна. – Как такого пускать в дом? И на площадку к другим собакам?!

– Блох вытравим, – не растерялся Никита. – И к ветеринару отвезем.

Марьяна покосилась на брата и протяжно вздохнула. Видимо, и сама устала от крика, потому что спросила уже спокойнее:

– Где ты его нашел?

– На автобусной остановке, лежал под лавкой. Бедный и несчастный.

– И он пошел за тобой? – усомнилась сестра и вновь предприняла попытку согнать псину с ковра.

– Пошел? – усмехнулся Никита. – Как миленький! За куском свежей вареной колбасы кто угодно пойдет!

– Ага. Значит, можно его уже не кормить, – с сарказмом произнесла Марьяна.

Но Никита понял, что она уступила, поэтому отлепился от стены и сделал к сестре шаг.

– Марьяш, сейчас мы отвезем пса к ветеринару. А потом ты позвонишь по телефону и запишешься к кинологу…

– Я еще не согласилась! – метнула на Никиту гневный взгляд Марьяна. – И как ты собираешься везти это страшилище в клинику?

– К ветеринарам и страшней псов привозят. Они привычные!

– Я не об этом! Я не повезу этот блоховоз в машине!

– Поведем пешком. Ветеринарка в паре кварталов отсюда. Ну и сейчас мы собаку выкупаем.

– Купать будешь ты! И ванну с хлоркой драить потом тоже! – припечатала Марьяна и отвернулась. Пес, почувствовав, что она начала оттаивать, приветливо заколотил мощным хвостом по полу. Звук был такой, будто по полу лупили скалкой. Марьяна поморщилась, но промолчала, вместо этого уже деловитым взглядом окинула пса, прикидывая «фронт работы». К счастью, шерсть была короткая, значит, избавить собаку от репейника будет несложно. Пес поднял на Марьяну глаза, вывалил огромный язык-тряпочку и обнажил крепкие белые зубы, будто в улыбке.

– Вымою! И собаку, и ванну! – обрадовался Никита, посчитав, что дело уже решено. Марьяна – самая лучшая в мире сестра! Но не успел он высказать это вслух, как она, блеснув глазами, вдруг ехидно улыбнулась.

– Хорошо, дорогой братец, я оставлю это страшилище себе. Надо же помочь тебе в расследовании века! Но только в обмен на…

– Что хочешь! – опрометчиво пообещал Никита. – Я готов даже покупать корм этому псу, тратиться на ветеринара и занятия у Крушинина.

– Не-ет, я сама в состоянии это сделать. А деньги тебе понадобятся… – ухмыльнулась Марьяна, и Никита нахмурился. Такая ухмылка сестры не предвещала ничего хорошего. Он ожидал, что она потребует какой-нибудь дорогой подарок или попросит забирать пса во время ее поездок, но то, что запросила Марьяна, заставило Никиту отшатнуться и вновь вжаться лопатками в

стену.

– Ты женишься! До конца этого года! Вот так! – с торжествующим блеском в глазах провозгласила коварная сестра.

– Чего?!

– Женишься! До конца года, – терпеливо повторила Марьяна и, заметив, что пес снова улегся на светлый ковер, не стала его сгонять. – Тебе уже почти тридцатник, а детство в твоей кудрявой башке гуляет, как ветер! Эта выходка с псом – последняя! Женишься и наконец-то образумишься! Все! Я свое условие выдвинула. Не согласен, забирай свой «подарок» и вези сам, куда хочешь.

– Марьяна… Ты просишь слишком много!

– Нет, дорогой! Не много! Поселить у себя вот эту громадину – это еще та жертва с моей стороны! Это ж с псиной гулять надо, кормить как не в себя, на занятия возить, шерсть выметать. Это ж какая ответственность! Я соглашаюсь взвалить ее на себя в обмен на то, что ты образумишься и остепенишься! Я ж теперь, дорогой братец, заботиться не о тебе буду, а вот об этом монстре!

– Да на ком мне жениться?!

– О! Для тебя это не проблема! На одной из своих подружек, которых ты меняешь, как трусы!

– У меня сейчас нет ни одной подружки! – попытался отговориться Никита.

Но Марьяна была неумолима:

– А это не моя проблема! Женись хоть на этой Анфисе, раз из-за нее весь сыр-бор!

Никита даже рассмеялся:

– На Анфисе?! Гм… Я «за»! Но против ее олигарха не попру!

– Ты сам написал статейку, что певица его бросила, – напомнила, нехорошо сощурившись, Марьяна. – Так что вперед!

– Анфиса пропала!

– А не ты ли собрался провести сенсационное расследование и найти ее?

– Ну ладно, ладно! Только Анфиса вряд ли согласится…

– А это уже твои проблемы, братец! Анфиса или какая другая девушка – мне все равно. Лишь бы была приличная! Давай, пиши расписку, что обязуешься выполнить обещание…

Марьяна поискала в ящиках стола бумагу и ручку и с торжествующей улыбкой выложила на стол.

– Пиши!

– Марьяна, да ты с ума сошла! – запаниковал Никита.

– Ага! С ума меня ты свел! Вот этот вошкин домик и стал последней каплей, – сказала Марьяна, кивнув на пса. – Пиши или забирай это уличное чудо себе! И на мою помощь больше не рассчитывай!

– Да как писать?

– А вот так и пиши: такой-то такой, паспортные данные… Обязуюсь до конца этого года жениться на приличной девушке… Дата и подпись!

– И как ты будешь определять степень ее приличности? – съехидничал Никита.

– Разберусь! – рявкнула Марьяна. – Пиши!

– Кровью, надеюсь, подписывать контракт не заставишь, дьяволица?

– Не заставлю. Достаточно твоей закорючки.

– Я только что тебе душу продал, знаешь? – вздохнул Никита, протягивая сестре листок.

– Ты ее продал, еще когда на журфак поступил, – хмыкнула Марьяна, убрала аккуратно «расписку» в файл и заперла в ящике с документами.

Никита с тоской проследил за тем, как в этом самом ящике сестра только что заперла его свободу, но тут же обнадежил себя тем, что до конца года еще много времени. Он что-нибудь придумает или уговорит Марьяну смилостивиться. Но сестра будто прочитала его мысли:

– И не надейся, что тебе удастся меня разжалобить! Не выполнишь обещание – на мою помощь можешь больше не рассчитывать!

* * *

Новый день встретил еще большей жарой. Роман относился с подозрением к таким щедрым авансам лета в мае: не потратит ли оно весь лимит тепла за считанные дни, не разразится ли снегом в июне и затяжными дождями в июле? Тогда вместо кондиционера понадобится обогреватель. Роман включил кондиционер, мысленно поблагодарив Виту и мастера за оперативную работу, и подошел к окну. Если бы не гигантский объем работы, взял бы он выходной, уехал на день на природу: к озеру – «перезарядить батарейки». Отдохнуть ему уже давно хотелось, потому что с осени он работал почти без выходных. Но сейчас ввязался в дело, из-за которого пришлось отказаться от нескольких простых заказов. Хуже всего то, что это задание выпивало из него силы, будто вампир. Слишком личное оно было. Слишком тяжелые воспоминания с ним были связаны.

Роман бросил взгляд на улицу, потянулся, разминая спину, а после минутной паузы вновь вернулся за стол и вызвал Виту. Она вошла, как обычно, без стука.

Вита снова сменила «имидж»: перекрасила короткие волосы и ногти под колготки в голубой цвет. В остальном она оставалась верна темным оттенкам: выбрала черные свободные шорты и топ. Роман поймал себя на мысли, что другая девушка в таком кричащем наряде выглядела бы вульгарно, а вот Вита – стильно. Только когда она успела перекрасить волосы и ногти, если накануне

они заработались до ночи? Роман не выспался, собирался впопыхах, поэтому явился в офис не в костюме, а в черных джинсах и темно-зеленой рубашке с коротким рукавом. Впрочем, во второй половине дня он собирался в поездки, и такая одежда была удобнее.

– Отлично выглядишь, – отвесила Вита ему дежурный комплимент.

– Ты тоже.

Помощница довольно улыбнулась и села за стол напротив него. А Роман внезапно подумал, что никогда не замечал, какого цвета у нее глаза, потому что внимание привлекали яркие волосы и длиннющие ноги в пресловутых колготках. И только сегодня, когда Вита снова перекрасилась, он увидел, что глаза у нее тоже небесного оттенка.

– Шеф, ау? – позвала Вита, потому что пауза затянулась.

Роман моргнул и отшутился:

– Мне каждый раз нужно время, чтобы привыкнуть к твоему новому образу. Вит, вывеси на стене расписание цветов и даты их смены!

– Я подумаю, – внезапно серьезно ответила она и разложила на столе распечатки.

– Что там у нас? – тоже сосредоточился на работе Роман.

– Сравнила, как ты и просил, старые случаи в наших и испанском городах. Ты прав, совпадений много. Все шло по одному сценарию: сокращение светового дня, гибель живности, обмеление водоемов, затем – постепенное исчезновение людей.

– Ясно, – пробормотал Роман, пробегая взглядом листы. Затем развернул на столе карту, отметил на ней координаты, соединил три точки линиями и измерил расстояние между поселками.

– По другим странам есть что?

Вита зашуршала тетрадными листами.

– Я помониторила новости, как ты и просил. На английском, испанском и немного на итальянском. Ничего, Ром. Но посмотрю еще на французском.

– А у нас за последние два года?

– И у нас пока ничего, кроме того случая, о котором сказал Игорь Степанович. Но пока сложно понять, повторяется все или нет. Может, совпадение.

– Хорошо. Значит, пока у нас три случая в прошлом с временным промежутком в несколько месяцев. И, возможно, один в настоящем. Если цикличность имеет место быть и все действительно повторяется, значит, стоит ждать еще. Ты следи за новостями.

– Естественно, Ром.

Он наконец-то поднял на нее взгляд от бумаг и после недолгой паузы сказал:

– Я сегодня снова съезжу в родной город. Прежде чем изучать новое место, надо вернуться, так сказать, к истокам. Узнаю, насколько правдивы слухи о том, что там стал кто-то появляться.

– Мародеры? Или любители «заброшек»?

Роман помедлил, не зная, что ответить. Его версия любому человеку показалась бы слишком неправдоподобной. Но Вита спросила уже другое:

– Можно с тобой? Или мне остаться в офисе?

Роман хотел попросить помощницу связаться по телефону с администрацией региона, где почти двадцать лет назад произошел второй случай, но увидел в ее взгляде просьбу. Видимо, и ей надоело чихать от пыли над архивными документами.

– Ладно, поехали, – улыбнулся он. – Но я не знаю, когда мы вернемся. Возможно, опять к ночи. Дорога в одну сторону займет два часа. А мне еще надо будет заглянуть к знакомому.

– У меня нет планов на вечер, – с готовностью ответила Вита.

Роман задержал на ней взгляд и внезапно подумал, что для молодой красивой девушки странно проводить столько времени на работе. Ладно, он. Но она?

– Сегодня я абсолютно свободна. А вот на завтра, дорогой начальник, не рассчитывай, – опередила Вита, словно прочитав его мысли.

– Свидание? – вырвалось у него.

Она ухмыльнулась и внезапно кивнула.

– Можно и так сказать.

– О как! – воскликнул он, сделав нарочито удивленное лицо. – Я уж начал было подозревать, что работа заменяет тебе личную жизнь.

– Даже не надейся, – отрезала Вита, захлопнула тетрадь и поднялась. Но в дверях остановилась и оглянулась. – Во сколько выезжаем?

– Да я бы хоть сейчас, но жду клиента. Игорь Степанович звонил, сказал, что от него приедет человек. Когда – не знаю. Я бы отказался от встречи – сейчас не до этого, но попросил Игорь Степанович! Возможно, этот человек имеет отношение к нашему делу и привезет еще документы.

– Хорошо, – кивнула Вита. – Я буду на месте, не отлучусь даже на перерыв.

Когда она закрыла за собой дверь, Роман еще раз пробежал взглядом распечатки, потом пролистал блокнот и сравнил собственные записи со сделанными Витой. А затем взял телефон и отыскал нужный номер.

– Ну, здорово, Ягуар, – усмехнулся он в трубку, услышав приветствие. – Ага, снова я и снова по делу. Хотя давно надо бы встретиться просто так, за жизнь

поговорить, пива попить, футбол в баре посмотреть. Но – работа, как и у тебя.

Они обменялись несколькими обязательными вопросами и ответами, а затем Роман высказал просьбу, ради которой и звонил:

– Хочу попросить у тебя оборудование. На вечер.

– Что именно нужно? – деловито спросил Олег, и когда Роман перечислил, уточнил: – Кого-то тебе дать? Или сам справишься?

– Справлюсь. Моя помощница – очень толковая девочка. Ну и, понимаешь, не всегда можно привлечь кого-то постороннего. Даже если речь идет о твоих ребятах.

– Ясно, – отрапортовал Олег и сказал, что будет ждать у себя дома.

Роман отложил мобильный и поднял глаза на заглянувшую в кабинет Виту.

– Роман, посетители от Игоря Степановича.

Он лично вышел в приемную и вместо ожидаемого одного клиента увидел целую семью. Видимо, удивление отразилось на его лице слишком явно, потому что Вита чуть качнула головой. Нет, конечно, к ним приходили и супружеские пары, и мамы с детьми, но Роман успел настроиться на то, что от Игоря Степановича придет поверенный человек, который привезет документы. Посетители тоже чувствовали себя неловко: молодая женщина в ладно сидевшем на ее стройной фигурке платье бросила вопросительный взгляд на мужа и мягко одернула одну из рыжих девочек-близняшек, когда та с любопытством прикоснулась к клавиатуре Виты.

– Здравствуйте! Я – Роман Шацкий, – улыбнулся он и протянул мужчине руку для приветствия. Пожатие у того оказалось крепким и решительным.

– Данила Крушинин. А это моя жена Стефания и наши дочери. Простите, приехали всем семейством. В последний момент оказалось, что не с кем оставить девочек.

– Ничего страшного! – с улыбкой поспешила на помощь Вита. – Эти очаровательные принцессы побудут со мной.

Одна из близняшек бросила на Виту насмешливый взгляд и с раздражением одернула на себе воздушное платье с воланом, протестуя и против «принцессы», и неудобного наряда. Другая девочка завороженно смотрела на голубой «ежик» Виты, а затем, осмелев, протянула ручку и коснулась ее колготок.

– Эмма, – смутилась мать девочки.

– Ничего! – засмеялась Вита, похоже, очарованная юными красавицами.

Цветом волос и глаз девочки пошли в отца, а в их кукольных личиках угадывались черты матери. Роман невольно отметил, что эта семья очень красивая и яркая. Данила— высокий, одного роста с Романом, и темно-рыжий, его жена— загорелая, темноволосая, с тонкими чертами и огромными глазами аквамаринового оттенка. Близняшки унаследовали красоту одновременно обоих родителей.

– Мы сейчас будем рисовать! У меня в компьютере много всяких раскрасок, – подмигнула девочкам Вита. – А еще целый ящик ручек, фломастеров и карандашей!

– А я хочу такие синие волосы! – заявила одна из близняшек, та, которая не спускала завороженных глаз с Виты.

Роман спрятал улыбку, заметив явное смущение на лице Стефании.

– А я хочу такие, как у тебя! – нашлась Вита. – Твой цвет намного красивее моего! Знаешь, в сказках принцессы обычно с золотыми волосами. А с синими, как у меня, – злые колдуньи!

– А ты колдунья? – поинтересовалась девочка, но ей ответила сестра:

– Нет! Она Вапореон! Разве не видишь?

– Я – кто? – удивленно подняла брови Вита.

И девочка серьезно повторила:

– Вапореон! Это покемон. Такая большая и не знаешь!

– Алиса! – упрекнул дочь уже Данила, но Вита засмеялась:

– Хорошо, покемон так покемон!

– Алисе очень нравятся покемоны, – пояснила Стефания, смущенно улыбаясь.

– А мне драконы! А принцессы не нравятся! – вставила Эмма.

– Хорошо, мы будем раскрашивать покемонов и драконов, – согласилась Вита и обратилась к родителям близняшек: – Девочки – просто прелесть!

– Не обольщайтесь, – ухмыльнулся Данила. – Уже через четверть часа общения с ними вы запросите пощады.

– Значит, у вас есть четверть часа, чтобы рассказать о вашем деле, – ловко ввернула Вита.

– Не волнуйтесь, все с девочками будет в порядке, – сказал Роман, приглашая гостей к себе.

– Да я не за них волнуюсь, а за вашу помощницу, – засмеялась Стефания, входя следом за ним.

– Жарко, – начал Роман разговор, чтобы расположить посетителей к себе. – Включить кондиционер? Вита принесет напитки. Что желаете?

Но гости отказались и от кондиционера, и от напитков. Стефания подняла взгляд на мужа, слегка ему кивнула, и Данила сразу перешел к делу:

– У нас пропал близкий человек. Молодая девушка.

– Кем она вам приходится? – уточнил Роман и открыл блокнот.

– Подругой. Так получилось, что у нее не осталось родных, поэтому самыми близкими для нее стали мы – друзья. В полицию, конечно, мы заявили. Но Игорь Степанович посоветовал обратиться к вам. Тем более что дело деликатное.

Роман сделал заинтересованный и одновременно сочувственный вид, стараясь не выдать той досады, которую испытал. На поиски какой-то девицы у него совершенно нет времени, сил и ресурсов. Странно, что Игорь Степанович об этом забыл. Да и если к поискам подключилась полиция и, наверняка, волонтеры – ему что делать?

– И в чем заключается деликатность? – с нарочитой вежливостью спросил он и, перехватив серьезный взгляд Стефании, понял, что она не купилась на его сочувственный тон.

– Анфиса – известная певица, а еще невеста Дмитрия Шестакова. Ее исчезновение какое-то время держалось в секрете, но сейчас об этом раструбили все СМИ, – сказала Стефания и неосознанно, в поисках поддержки, сжала руку мужу.

– К нам домой приезжали журналисты. Но мы отправили их ни с чем, – добавил Данила и накрыл второй ладонью руку жены.

– Анфиса… – пробормотал Роман. – И вы хотите, чтобы я занялся ее поисками?

– Да, – одновременно с одинаковой твердостью заявила пара. Роман помолчал, обдумывая ответ. Больше всего его интересовало, что связывает Игоря Степановича и эту семью, и нет ли тут какой-нибудь… ловушки? Но спрашивать прямо не стал.

– Значит, Анфиса. Популярная певица, – задумчиво повторил он. – Вита ее поклонница и собиралась на концерт, но его отменили.

– Да. Все концерты отменены. Поклонникам предложили сдать билеты, а не обменять их на другие даты. Понимаете? И Анфиса оплатила все неустойки из собственного кармана.

– А вам об этом откуда известно? – ухватился Роман за последнюю фразу Данилы. – Анфиса вам звонила после своей пропажи? Или дала какие-то намеки?

– Нет, узнал от ее продюсера. Не то чтобы мы были близко знакомы, но виделись. Естественно, я связался, с кем мог. И со мной тоже. Продюсер так же встревожен ее исчезновением.

– Хорошо, – вздохнул Роман. – Рассказывайте все, что вам известно.

Знали Крушинины мало. В последний раз они виделись с подругой за две недели до ее пропажи, и тогда Анфиса казалась счастливой. Обсуждала с друзьями свою предстоящую свадьбу с Дмитрием и его свадебный подарок – концертный тур по Европе.

Роман сделал себе пометку: выяснить, когда Анфиса перевела деньги организаторам концертов – сколько дней прошло после этого ужина с друзьями, на котором никто не заметил ничего странного.

– Анфиса очень хотела в Испанию, – продолжила уже Стефания, заведя за ухо прядь темных волнистых волос. – Оттуда родом ее близкая знакомая. Анфиса воспитывалась в детдоме. Тогда ее еще звали Ритой Масленниковой. Имя она сменила, переехав в столицу и начав карьеру певицы.

– Анфиса – сценический псевдоним?

– Не только. Теперь ее зовут Анфиса Москвина по паспорту. Но поклонникам она известна просто под именем.

– Ясно, – кивнул Роман, делая новую пометку, и попросил Стефанию продолжить. Она рассказала, что в детдоме, в котором воспитывалась Анфиса, была уборщица Нурия, ребенком привезенная в Советский Союз во время гражданской войны в Испании.

– Для Анфисы Нурия была все равно что родная бабушка. Она же и обучила Анфису испанскому и песням со своей родины.

– А у вас есть контакты этой женщины? – спросил Роман, но Стефания качнула головой.

– Нет. Не знаю, как на нее подействует известие об исчезновении Анфисы…

Роман записал адрес детского дома, решив, что нужно туда позвонить и узнать контакты Нурии: не исключено, что Анфиса укрылась у нее. Пометил он также и название испанской группы, с солистом которой Анфиса, со слов Стефании, дружила и планировала совместную работу: даст задание Вите написать этому музыканту. Вдруг он что-то знает.

– Почему ее поисками занимаетесь вы, а не ее жених? – спросил Роман, переводя взгляд со Стефании на Данилу. – Кстати, с ним лично вы встречались?

– Да, – ответил Данила. – Анфиса познакомила нас еще в самом начале своего романа. Потом мы дважды пересекались на мероприятиях, на которые она нас приглашала. А один раз они приезжали вместе – сообщить о предстоящей свадьбе.

– И каким вам показался Дмитрий?

– Каким-каким, – пожал плечами Данила. – Нормальный парень. Только очень занятой. Оба телефона у него звонили не переставая. Но видно было, что он влюблен в Анфису. Думаю, Дмитрий ее тоже ищет по своим каналам. Мы с ним не настолько близки, чтобы обменяться телефонами. Но номер Стефании у него откуда-то был. Ей позвонили со скрытого номера, соединили с Дмитрием. И он подробно выспрашивал, что мы знаем об исчезновении Анфисы.

– Не показалось ли вам, что он был обижен? Его же бросила невеста.

Данила снова пожал плечами и покосился на жену. Стефания сидела с выпрямленной, будто натянутая струна, спиной, сложив на коленях ладони, и нервно кусала нижнюю губу. Переживает из-за пропажи подруги или вопросы отчего-то кажутся ей неудобными?

– Скорее он был встревожен, – ответила она. – Разговор вышел коротким. Я рассказала Дмитрию все, что знала. Больше он не перезванивал.

Роман задал еще несколько вопросов касательно отношений Анфисы и Шестакова, обращаясь к Стефании, потому что кто, как не женщины, лучше осведомлены о делах сердечных своих подруг. Расспросил о привычках Анфисы и обо всем, что так или иначе могло помочь в поисках. Впрочем, чем больше он слушал Стефанию и Данилу, тем меньше ему хотелось браться за поиски. И не только потому, что сейчас занят, сколько потому, что пропавшей была бывшая невеста известного бизнесмена и популярная певица. А ему не нужна ни огласка, ни сложности, которые могли бы учинить люди Шестакова. Неужели Игорь Степанович этого не понимает?

– Это все, что известно об Анфисе? – подвел он итог. – Может, что-то еще вспомнили?

Супруги переглянулись, и губы Стефании дрогнули, будто она собиралась что-то произнести, но Данила едва заметно мотнул головой.

– Нет. Это все.

Роман выдержал паузу в надежде, что Крушинины передумают, но Данила смотрел на него таким прямым взглядом, что Роман в итоге кивнул.

– Хорошо! Но если что вспомните, позвоните.

Он проводил посетителей и вернулся в кабинет. Следом за ним с подносом в руках вошла Вита. Проницательная помощница даже без просьбы принесла ему стакан прохладной воды, чашку кофе и блюдце с печеньем. Роман поблагодарил кивком и потянулся к стакану с водой. Вита не уходила, терпеливо дожидаясь, когда он заговорит.

– Это были близкие друзья Анфисы.

– Да ладно?! – изумилась помощница и расплылась в улыбке. – Значит, ее искать будем мы?

– Погоди, погоди, Вита, – поморщился Роман и помассировал виски ладонями. – Вначале наше дело. А потом я решу, что делать. Погугли испанскую группу… Как ее там?

Он заглянул в листочек.

– Эль гато де кристаль, – прочитала Вита. – «Стеклянный кот» по-нашему.

– Ага. Найди этого стеклянного кота, вернее, ее солиста и напиши ему. Анфиса планировала с ним какой-то проект. Вроде жених собирался устроить ей гастроли по Европе. В общем, может, этот музыкант что-то знает?

– О?кей! – обрадовалась Вита.

– А еще позвони в этот детдом и выясни контакты некой Нурии. Она там работала уборщицей. Если к телефону будут звать Нурию, скажи, что перезвонишь позже. Я сам с ней поговорю.

– Хорошо, – кивнула Вита. – Что-то еще?

– Что еще? Через десять минут выезжаем. Эти задания выполнишь потом.

Перед дорогой они пообедали в знакомом ресторане неподалеку от офиса. Вита, сославшись на то, что не привыкла наедаться, поклевала салат из свежих овощей, хоть обычно не отказывала себе в плотном обеде, и запила все черным чаем. Роман же, зная, что путь предстоит неблизкий, наоборот, навернул хорошую отбивную с гарниром.

Им пришлось сделать крюк, чтобы заехать в коттеджный поселок к Ягуару. Роман остановил машину напротив двухэтажного дома и вопросительно посмотрел на Виту.

– Я подожду в машине, – правильно поняла она его, достала мобильный и открыла какое-то приложение.

Олег услышал шум подъехавшей машины и вышел встретить гостя во двор. Они пожали друг другу руки, а затем, одновременно усмехнувшись этому «официозу», без обиняков обнялись, после чего Ягуар пригласил Романа в дом.

– Не могу задерживаться, Олег. Дорога долгая, а вернуться хочется сегодня же.

– Эх, Олеся обед для нас готовит, – погрустнел хозяин.

– Не знал, и мы с помощницей уже пообедали, – с сожалением развел руками Роман.

– Ну, зайди хоть с Олесей поздоровайся.

– А это конечно!

Они пересекли по вымощенной камнем дорожке ухоженный двор с клумбами, но возле крыльца остановились.

– Я собрал тебе все, что ты просил. Отдашь, когда сможешь.

– Завтра завезу, Олег.

– Тогда разве что утром, – усмехнулся Ягуар. – Мы с Олесей завтра улетаем в Испанию на несколько дней. Ты вовремя позвонил.

– В Испанию? – встрепенулся Роман. Снова Испания. Вот так удача, что Олег туда летит!

– Да. У Олеси плановый осмотр в Барселоне. Чувствует она себя хорошо, но раз в пару лет нужно летать к доктору.

Роман уже знал, что у супруги Олега было серьезное заболевание, но после операции в Испании болезнь отступила. Олеся вела теперь обычный образ жизни, занималась йогой и писала исторические романы, которые публиковали в одном крупном издательстве.

– На осмотр у нас уйдет всего день, но мы решили воспользоваться возможностью и отдохнуть. Тебе что-то нужно из Испании? Хамон? Вино?

– Нужно, – не стал увиливать Роман. – Но не еда. Меня один поселок интересует.

– Если он в Каталонии, то мы можем туда проехаться, – кивнул Олег.

– В Каталонии, – обрадовался Роман. – Я тебе напишу на почту, что мне нужно. Идет?

– Идет!

– Очень выручишь!

– Понимаю, – усмехнулся Олег и с хитрым прищуром спросил: – Как дела в твоем… детективном агентстве?

– Неплохо. Так же, как и в твоем… охранном, – в тон ему, с такой же хитрой усмешкой ответил Роман.

– Это радует. Но будь осторожен, – добавил уже серьезно Олег и открыл входную дверь.

Олеся, конечно, расстроилась, что гость не останется на обед, но, привыкшая к тому, что и муж не всегда волен распоряжаться своим временем, предложила:

– Я вам в дорогу пирожков заверну! Только из духовки вынула. С зеленым луком и яйцом, а еще с капустой!

От пирожков Роман отказываться не стал, и Олеся убежала на кухню собирать гостинцы.

– Вот, тут все, что нужно, – сказал Олег, передавая ему увесистую спортивную сумку.

– Буду беречь как зеницу ока! – пообещал Роман, но хозяин засмеялся:

– Глаза важней этой дребедени. Так что лучше береги зеницу ока! Если не разберешься, звони. Я на связи.

Роман хотел ответить, что постарается разобраться сам, но в это время из кухни вышла с объемным свертком в руках Олеся.

– Надеюсь, пирожки получились вкусными. Всего во второй раз пекла, – чуть смутившись, пояснила она. Ее губы тронула улыбка, и Роман в который раз подумал, что у Ягуара очень красивая жена: с милыми чертами, с белой, как у фарфоровой куклы, кожей и рыжеватыми вьющимися волосами. Олеся была такая нежная, что ее хотелось немедленно взять под защиту, а на фоне рослого Олега она казалась особенно хрупкой. Ягуар, будто прочитав мысли Романа, приобнял жену, и Олеся, прижавшись к его крепкому плечу, улыбнулась – вроде и гостю на прощание, но на самом деле – своему счастью. «Будь осторожен», – не к месту, а может, как раз к месту, вспомнилось Роману предупреждение более опытного и старшего по возрасту Олега. Женившись, Ягуар стал уязвимее, потому что теперь помимо подросшей дочери от первого брака у него была Олеся. И в его словах Роман услышал не столько просьбу беречь себя, сколько предупреждение избегать подобных «слабостей».

Он осторожен. Еще как осторожен. Поэтому и принял решение жить без привязанностей.

Неся в одной руке тяжелую сумку, а в другой – сверток с пирожками, Роман вернулся к машине и открыл заднюю дверцу.

– Не знаю, куда… – донесся до него голос разговаривающей по телефону помощницы. Роман аккуратно поставил сумку с техникой на пол, а сверток с пирожками положил на сиденье. Вита услышала шум и быстро свернула разговор:

– Я потом позвоню!

Не попрощавшись с собеседником, она убрала телефон в сумочку.

– Ну, все, можно ехать! – бодро сказал Роман. Вита бросила на него взгляд, и в ее глазах мелькнуло что-то, похожее на беспокойство. Но она тут же улыбнулась и весело сказала:

– Поехали, шеф!

Глава 5

– Верите ли вы во всякую «чертовщину»? Случалось ли вам сталкиваться с чем-то необычным?

– В «чертовщину» я не верю, но не сомневаюсь в том, что мир устроен куда сложнее, чем нам думается.

(из интервью Анфисы журналу «Домовой»)

После обеда на небо внезапно наползли тучи, оборвали яркое солнце на полуслове, оставив недосказанности, и погрузили день в вечерний сумрак. Остро запахло озоном и мокрой землей. Тишина звенела, готовая в любой момент оборваться раскатом грома. Ветер, сгоняя тучи, торопливо штопал ими светлые небесные прорехи. Сердце гулко ухало из-за предчувствия, тональность которого так и оставалась неясной. Анфиса замерла на крыльце, жадно вдыхая посвежевший воздух и вглядываясь в тучи в ожидании первых проблесков молний. Пред силами природы она была ничтожно маленькой, но в то мгновение, когда тишина внезапно стала абсолютной, ощутила себя дирижером перед замершим в ожидании ее действий оркестром. Сейчас она взмахнет палочкой, и грянет симфония. Анфиса невольно подняла руку, но опомнившись, плавно ее опустила. И в ту же секунду в почерневшем небе мелькнула первая вспышка. Яркая молния раздернула тучу, и на землю стеной обрушился ливень. Анфиса протянула ему ладони, а затем, не справившись с искушением, сбежала босиком по ступеням, застыла посреди двора, раскинув в стороны руки и запрокинув лицо к небу. Ее восторженный крик утонул в громовом рокоте и шуме дождя. Но с этим криком вырвалась наружу отравлявшая ее беда, и душа, избавившись от яда, наполнилась, будто родниковой водой, недолгой радостью. Анфиса жмурилась от бившего по лицу дождя, улыбалась, ловя губами водяные струи, и кричала, кричала до тех пор, пока ее крик не превратился в песню – не на родном языке, а на языке испанки Нурии.

Вернулась Анфиса в дом лишь тогда, когда допела последний куплет. Промокшая насквозь одежда облепила ее тело, будто вторая кожа. Анфиса прошла прямиком в ванную и долго стояла под теперь уже горячими струями. Такой контрастный «душ» встряхнул ее и на какое-то время избавил от набивших оскомину горестных воспоминаний.

Переодевшись в широкую фланелевую рубашку, свободные джинсы и толстые носки, она вернулась на кухню, где до этого раскладывала по ящикам покупки и расставляла на полках новую посуду, и сделала себе чай. Дождь все так же – сплошной пеленой – скрывал видимость за окном. Темноту непогоды то и дело разрезали яркие вспышки. Анфиса зажгла свет и вернулась к прерванному занятию.

То, что что-то изменилось, она, увлеченная делом, заметила не сразу. Только когда спустилась с табуретки за стопкой тарелок, поняла, что в доме царит тишина, не нарушаемая больше стуком дождя по подоконнику. Анфиса бросила взгляд на улицу и убедилась, что видимость все такая же плохая, только уже не из-за дождя, а потому что окно затягивала туманная завеса. Дымка поднималась с земли, клубилась, будто живая, а в ней двигалось что-то темное. Анфиса поставила обратно на стол тарелки, медленно приблизилась к окну и в ужасе отпрянула, когда с той стороны из тумана внезапно вынырнул чей-то силуэт. Она закрыла рот ладонью, сдерживая испуганный писк. Силуэт, покачиваясь, приблизился к окну, а за ним маячило еще несколько таких же расплывчатых фигур. Анфиса вскрикнула, увидев две прижатые к стеклу ладони и чье-то расплющенное лицо. Некто заглядывал в другое окно, возможно, уже давно наблюдал за ней, но когда увидел, что его заметили, снова скрылся в тумане. Анфиса успела заметить лишь угольно-черные зрачки и широкую прорезь на месте рта.

Она сама не поняла, как подскочила и рывком зашторила оба окна. Затем оббежала весь дом, включая свет и занавешивая окна. Но когда добралась до спальни, увидела, что туман за окном уже рассеялся и в комнату робко заглядывает первый солнечный луч. Вместе с туманом исчезли и ужасные твари. Анфиса вернулась на кухню и покосилась на так и не убранные тарелки. От недавней радости, вызванной грозой, не осталось и следа. В душу холодными змеями вползли страх и тревога. Тоска сжала горло с такой силой, что сделать новый вдох оказалось сложно. На глаза навернулись слезы. Но расплакаться Анфиса не успела, потому что услышала стук в дверь.

– Нет-нет-нет! – забормотала она, хватаясь за столешницу. Стук повторился, и вместе с ним раздался шум возни, будто кто-то вытирал ноги о половик, а следом за этим послышалось довольно отчетливое хрюканье.

Анфиса осторожно приблизилась к двери и замерла.

– Хы-ых! – сокрушился кто-то и уже без всякой надежды слабо стукнул в дверь. Огорченное «хых» поддержал хрюканьем поросенок, и Анфиса торопливо загремела ключами.

Знакомый странный старик одарил ее обрадованной ассиметричной улыбкой и снова протяжно хыкнул. Но хоть он и улыбался, выглядел жалко: поля шляпы уныло повисли, и с них старику за воротник стекали струи воды, одежда промокла, штанины липли к тощим ногам. Только поросенок, которого старик по-прежнему держал на поводке, излучал радость и довольство. Ливень смысл с него грязь, и оказалось, что на розовой коже возле хвостика есть довольно крупное пятно в виде кляксы. Анфиса жестом пригласила нежданных гостей в дом.

Старик переступил порог и пугливо завертел головой. Поросенок весело захрюкал и процокал по коридору так далеко, как позволил поводок. Анфиса же осторожно заглянула старику за спину, опасаясь увидеть туман и его пугающих обитателей. Но за дверью уже разгорался ярким солнцем день, а небо вновь сияло невинной чистотой. И только широкие лужи и прибитая ливнем трава напоминали о недавней буре.

Анфиса закрыла дверь, заперла ее на замок и жестом показала старику, чтобы он снял мокрую одежду. Гость разулся, стянул с себя куртку, оставшись в свитере крупной вязки и штанах, но шляпу отдавать отказался. Анфиса не стала упрашивать и проводила его на кухню. Там она поставила чайник, рассудив, что промокшего и озябшего человека в первую очередь нужно напоить чем-то горячим. Затем включила обогреватель и принесла из комнаты плед. Старик закутался, вытянул ноги в промокших носках и благодарно хыкнул. Пока он отогревался, Анфиса приготовила чай и нехитрое угощение, двигаясь по кухне с чрезвычайной аккуратностью, чтобы не наступить на путающегося под ногами поросенка. Когда она подвинула гостю кружку с чаем и вазочку с печеньем, старик посмотрел на нее с такой просящей жалостью, что Анфиса наполнила и свою кружку, хоть и не хотела есть.

Это было необычное чаепитие в чрезвычайно странной компании. Поросенок довольно хрюкал над блюдцем с нарезанными овощами. Старик, прихлебывая чай и аккуратно одной стороной рта откусывая печенье, от удовольствия хыкал и ухал, а Анфиса молчала, думая, как поступить дальше. Что с этим стариком делать? Отвести на автобусную остановку, где она его встретила впервые? Но оставить его одного она бы не решилась. Значит, придется звонить в чужие

дома и искать того, кто с ним знаком. А общаться с кем-либо ей не хотелось. Как он к ней попал? Специально пришел или сбился с пути, когда началась буря?

И еще один вопрос не давал ей покоя: видел ли ее гость страшных существ? Туман он должен был застать: с момента, когда Анфиса увидела за окном существ, до стука в дверь прошло слишком мало времени. Но старик не выглядел напуганным, только замерзшим и немного встревоженным. По мере того, как он согревался, его лицо тоже разглаживалось, а из водянистых глаз исчезала затравленность. Гость отставил чашку и улыбнулся своей кривой улыбкой.

– Еще? – спросила Анфиса и указала на чайник. Старик отрицательно замотал головой, а затем обеспокоенно вытянул шею, выглядывая в окно.

– Там уже нет дождя! Солнце вышло, – пояснила Анфиса.

Но старика, похоже, беспокоила не погода. Его лицо снова сморщилось, уголок рта поехал к уху.

– Нема! Пуф! – сказал он и махнул рукой.

Анфиса невольно содрогнулась, снова вспомнив страшных существ, но бодро кивнула:

– Нема. Пуф!

Старик бросил еще один настороженный взгляд в окно, а затем нахмурился и пошевелил пальцами, пытаясь что-то показать Анфисе. Но она, не понимая его, качнула головой. Гость хыкнул, поднялся с места и поискал глазами свою куртку.

– Она уже просохла, – сказала Анфиса, поняв, что он решил уйти. – Вас проводить?

Но старик уже аккуратно сложил на стуле плед, оделся и причмокнул губами, подзывая поросенка.

На крыльце гость задержался и указал пальцем на широкую расщелину в земле.

– Бах!

И развел руками. Анфиса поняла, что он пытается сказать ей про разлом. Старик уже наставил палец на темнеющее вдали дерево.

– Хых! Нема! Нема-а. Птичка! Нема.

Затем, сокрушенно махнув рукой, он сошел с крыльца и побрел прочь от дома. Поросенок послушно затрусил рядом с ним. Анфиса проводила взглядом странную парочку и отметила, что старик старается держаться от трещины подальше. Убедившись, что он добрался до дороги, ведущей в деревню, вернулась в дом и заперла дверь. Отчего-то, хоть старик так и не смог ей ничего рассказать, ей показалось, будто он понимает, что тут произошло. И что он тоже, как и она, увидел в тумане пугающих существ.

* * *

Сестра увезла на первое занятие пса, которого они впопыхах назвали Грифелем за черную и лоснившуюся после мытья Марьяниным шампунем шерсть, и Никита в ожидании их возвращения остался в квартире один. Он мог вернуться к себе, но знал, что не удовлетворится телефонным разговором и все равно примчится к сестре, чтобы выяснить, как прошло первое занятие с кинологом и удалось ли ей узнать что-нибудь об исчезновении Анфисы. Марьяна, конечно, была настроена скептически и пыталась уверить Никиту в том, что затея на самом деле – провальная. Но он не терял энтузиазма, поэтому помог сестре погрузить Грифеля в машину и даже помахал на прощание ручкой.

Только когда Никита вернулся в квартиру, нервозность овладела и им. Прослонявшись бесцельно по небольшому, но со вкусом обставленному помещению, он выпил две кружки кофе и разумно рассудил, что от волнения отвлечет работа. Никита вернулся в комнату, включил ноутбук. В папке с названием «Анфиса» пока было мало файлов, не считая статьи, которая стоила Никите увольнения. Почему его уволили, он догадывался, хоть шеф с ним лично так и не объяснился. Наверняка Шестаков надавил на руководство журнала, потребовал крови того, кто первым написал о расставании пары. Страницу

восстановили, но статьи Никиты убрали. Это было обидно, будто он никогда и не работал в этом издании. Но досада лишь подогревала его активность и желание написать сенсационный материал. Никита, конечно, позвонил паре коллег, с которыми был в более-менее приятельских отношениях. Но одни не взяли трубку, другие сослались на занятость и быстро свернули разговор, подтверждая подозрение, что за всем этим стоял Шестаков. Ну что ж, опускать руки Никита не собирался.

Он открыл поисковик, вбил имя певицы и убедился в том, что конкуренты ничего нового об исчезновении Анфисы не написали. Затем побродил по форумам и фан-сообществам, но версии, которые там выдвигали, казались то слишком банальными – болезнь или беременность, то чересчур фантастичными. Впрочем, версии вроде похищения Анфисы с целью шантажа Дмитрия Никита не относил к разряду немыслимых.

Он выписал себе все обсуждаемые предположения, полистал ленту и с удовольствием увидел, что фан-сообщества перепостили и его материал. Никита внимательно прочитал два последних интервью, стараясь между строк найти что-то, что указывало бы на настроение певицы в последние перед исчезновением дни. Но ничего странного не заметил. Значит, надо разговорить тех, кто был знаком с певицей лично – ее коллег, организаторов концертов, стилистов. Какие-то контакты у него имелись, какие-то он надеялся заполучить. Никита отправил несколько сообщений и снова набрал номер информатора, который сообщил о расставании пары. Но телефон снова был вне зоны доступа. Никита подозревал, что информатор сменил номер. Что ж… Ожидаемо. Но расстраиваться рано, потому что Никита надеялся на помощь Марьяны.

Читая уже обычные новости, он случайно наткнулся на интересную заметку. К Анфисе она отношения не имела, но показалась забавной. В одном городке, который пустовал уже много лет, сталкеры с недавних пор стали замечать что-то необычное: свет в пустых квартирах, тени, шорохи. Кто-то даже заснял на камеру темный силуэт. А в находящемся неподалеку парке, по слухам, стали приходить в движение сломанные аттракционы.

Никита хмыкнул и поискал расположение городка. Затем загуглил тему и с радостью убедился, что новостей по ней мало. Анфиса Анфисой, но он хотел завести собственный канал и как раз думал над его концепцией. О «звездах» Никита писал в журнал, а для личной страницы ему хотелось чего-то другого. Влезать в политику он не желал. Писать об экологии, окружающей среде и

спасении морских котиков казалось скучным. А вот вести блог про таинственные и заброшенные места – неплохая идея. Это гораздо интереснее, чем брать интервью у выходящих в тираж «звезд» девяностых и у быстро вспыхивающих, но так же быстро гаснущих современных кумиров.

Никита потер руки, обрадованный тем, что нашел тему для канала. И в этот момент услышал, как поворачивается ключ в замке. Следом за этим в коридоре раздались зычный лай и голос Марьяны:

– Ну-ну, малыш! Дома, мы уже дома!

По тому, что она не ругалась раздраженно на пса, а ласково с ним ворковала, Никита заключил, что первое занятие прошло как нельзя лучше.

– Ну? – вопросил он, выглядывая в коридор с радостной улыбкой. – Узнала что-нибудь об Анфисе?

– Да погоди ты! – в голосе сестры прорезались-таки нотки недовольства, но относились они не к Грифелю, шумно хлебавшему из миски на кухне воду, а к Никите. – Ничего я про твою Анфису не узнала!

– Как это? – расстроился Никита и уже собрался отчитать Марьяну, но она ушла в ванную мыть руки.

– Марьян! – упрекнул он, застыв в дверях и привалившись плечом к косяку.

Сестра подняла голову, и в зеркале отразилось ее лицо – миловидное, круглое, с хорошей кожей и карими, как у брата, глазами. К своим почти сорока годам Марьяна умудрилась сохранить лицо свежим и юным, при этом никакими уколами красоты она не увлекалась. Возможно, все дело в хорошей генетике, возможно – в том, что Марьяна жила одна, не тратила нервы на малолетних детей и мужа, занималась любимым делом и ежедневно гуляла не менее двух часов. Замужем она была – в юности, но брак быстро распался, и с тех пор Марьяна предпочитала жить одна. «И она надумала меня женить!» – с обидой подумал Никита, хмуро глядя на отражение сестры в зеркале. Но Марьяна неожиданно улыбнулась.

– Пойдем кофе выпьем.

– Да я бы поел чего, – отозвался Никита.

– Так и займись обедом, – парировала сестра и усмехнулась.

Подумаешь! А и займется! Готовит он вкусно, все пассии высоко оценивали его кулинарные способности. Поэтому, когда Марьяна появилась на кухне, нанося на умытое лицо крем, Никита уже вовсю хозяйничал, доставая яйца, овощи и кастрюльку с мясными щами. Не спрашивая, будет сестра есть или нет, он водрузил кастрюльку на огонь, затем крупно нарезал помидоры, красный перец, лук и бросил все на сковороду. И пока овощи поджаривались, взбил в кружке несколько яиц. Вскоре вкусно запахло подогретыми щами и омлетом с овощами. Марьяна молча накрыла на стол, и Никита разлил первое по двум пиалам, достал из холодильника сметану и выложил на плоские тарелки порции омлета. Грифель, который внимательно следил за его действиями в надежде, что ему перепадет что-нибудь вкусное, положил на стол голову и шумно вздохнул. Никите ничего не оставалось, как поделиться с псом куском мяса из своей тарелки.

– Не испорти мне собаку, – не одобрила Марьяна. – У Грифеля своя диета. Я с Данилой ее обсудила, и он согласился со всеми рекомендациями ветеринара. Кстати, Стефания, жена Данилы, тоже окончила ветеринарку. Хорошо у них там все для собак устроено!

– Ты мне не про собак, а по теме, Марьяш, – перебил Никита. – Я так понимаю, тебе не удалось поговорить с Данилой об Анфисе?

– А как ты себе это представляешь, Ник? – вздохнула Марьяна. – Я же привезла собаку на занятия. Кстати, Грифель – большой молодец. Несмотря на то что бездомный. А домашние собаки такие избалованные!

– Слушай, тебя Крушинины что, в свою собачью секту обратили? – не выдержал Никита. – Если не с Данилой, так с его женой могла бы поговорить! Как женщины вы прекрасно друг друга бы поняли! Начала бы выспрашивать у нее про диету для Грифеля, потом придумала какую-нибудь душераздирающую историю про пропажу подруги, глядишь, Стефания и купилась бы!

– Я и придумала, – вдруг ответила Марьяна и улыбнулась, но не брату, а своим мыслям – мечтательно. – Там такой казус случился… Была на площадке одна кроха. Левретка, кобелек с поведенческим расстройством.

– Опять ты про собак!

– Да погоди ты! Еще раз перебьешь, ничего рассказывать не буду!

– Молчу, – сдался Никита, с трудом сдерживая раздражение.

Он и не думал, что сестра так проникнется собачьей темой! Теперь ему еще про какую-то левретку с проблемами слушать! Однажды Никите пришлось битый час выслушивать от одной престарелой «звезды» длинный рассказ об ее «масике» – пучеглазом недоразумении размером с рукавицу, которое кто-то ошибочно окрестил собакой. Но «звезда» на любой вопрос интервью отвечала восторженными возгласами о своей псине.

– Эта левретка чрезвычайно нервная, – продолжила Марьяна. – Напугать ее может даже воробьиное чириканье. А еще она не выносит других собак, только увидит – и впадает в истерику. Хозяин уж и по ветеринарам её водил, и поил всякими успокоительными. Но проблема оказалась не в физическом здоровье, а в неправильном воспитании. Левретка досталась новому владельцу от какой-то родственницы. Вот предыдущая хозяйка и «испортила» собачку. То ли излишне ей во всем потакала, то ли еще что, я не вникла. Но Игорь Степанович теперь возит Шушу на индивидуальные занятия к Даниле. А потом Шуша будет заниматься вместе с другими собаками на площадке.

– Игорь Степанович? – переспросил Никита.

– Да. Хозяин левретки. Приятный мужчина, – ответила Марьяна и слегка улыбнулась. – Мы познакомились, потому что случился конфуз. Игорь Степанович с Шушей уже уходили, а тут мы с Грифелем им навстречу. Грифель только потянулся к ним познакомиться…

– И левретка зашлась в истерике и окочурилась? – мрачно пошутил Никита, но Марьяна бросила на него полный негодования взгляд.

– Нет. Не окочурилась. Но так сильно испугалась, что описалась.

– Я бы тоже описался, если бы был левреткой, а ко мне подошел Грифель, – согласился Никита и с уважением посмотрел на громадного пса, который растянулся возле стола, заняв собой едва ли не половину кухни, и в ожидании еще кусочка мяса не сводил с Никиты глаз.

– Вот и Шуша испугался. Я как раз пыталась оттащить от него Грифеля, поэтому Шуша случайно написал мне на кроссовок.

Никита фыркнул от смеха.

– Хозяин очень смутился, хоть я и сказала, что ничего страшного. Но, представляешь, он дождался меня после занятий и сказал, что готов оплатить ущерб! Собирался купить мне новые кроссовки. Я, конечно, отказалась! Кроссовки старые, да еще и Шуша писает, будто из шприца брызгает, вот если бы мне ногу окатил Грифель, то да, вышло бы ущербно. Тогда Игорь Степанович пригласил меня в кафе, и я согласилась.

– И как же вас с собаками туда пустили? – удивился Никита.

– А там, в конце улицы, есть одно кафе с террасой! Туда нередко после занятий заходят хозяева со своими собаками. Владелец кафе дружит с Крушиниными, так что… Мы посидели немного с Игорем Степановичем, познакомились. Шуша, конечно, нервничал. Но Грифель молодец, лежал спокойно, к Шуше больше не лез.

– Я бы на его месте тоже больше не полез к такому… – Никита хотел добавить «зассанцу», но красноречиво промолчал. С тем, что Марьяна будет вещать не по делу, а о собаках и новом знакомом, который, похоже, очаровал его сестру, он уже смирился.

– Слово за слово, мы разговорились с Игорем Степановичем. И не помню уже как, но и о пропавших людях тоже. Нет, не об Анфисе. Я пока на всякий случай решила про нее молчать. Игорь Степанович рассказал про один случай. А я придумала, что у моей подруги пропала близкая родственница, ее ищут, но безуспешно. Хоть к детективу обращайся! И тогда Игорь Степанович сказал, что у него как раз есть знакомый детектив, который, среди прочих дел, когда-то

занимался и поисками пропавших. Когда-то, потому что сейчас он занят чем-то другим. Но Игорь Степанович дал его телефон недавно Даниле, потому что у того вроде тоже кто-то пропал. Сечешь?

– Марьяна! – воскликнул Никита и подскочил так, что чуть не уронил, к радости Грифеля, тарелку с омлетом. – Мне нужен телефон этого детектива!

Глава 6

– Жалеете ли вы о каком-нибудь поступке? Воспользовались бы возможностью вернуться в прошлое и исправить ошибки?

– Я – обычный человек, поэтому ошибалась. Но ничего исправлять не стала бы. Потому что, изменив прошлое, не стала бы той, кто я есть.

(из интервью Анфисы порталу «Звезды говорят»)

Почти всю оставшуюся часть пути они молчали. Роман мрачно думал о том, что встреча с призраками прошлого обычно не сулит ничего хорошего. Вита же, видя, что он задумчив и хмур, не лезла с разговорами. Но в тот момент, когда Роман глянул на нее, она нарушила молчание.

– Ром, что будем делать с певицей? Я немного помониторила новости и заметила, что говорят об Анфисе осторожно, будто с опаской. Думаю, дело в том, что новости отслеживают люди из команды Шестакова и тут же удаляют все скандальное.

Роман пожал плечами, потому что о певице не думал: поговорил с ее друзьями и на время забыл. Они с Данилой даже договор еще не подписали.

– Тебе не интересно это дело, – правильно истолковала Вита его жест.

– Не то чтобы не интересно… – нехотя обронил он. – Но я сейчас занят другим. Да и, если мы возьмемся за поиск певицы, есть риск, что люди Шестакова будут вставлять нам палки в колеса.

– Но Дмитрий должен быть заинтересован в том, чтобы Анфису нашли!

Роман неопределенно качнул головой.

– Я не уверен в этом на сто процентов.

– Что ты имеешь в виду?

– Да лишь то, Вита, что я не знаю ни его планов, ни какие распоряжения и кому он дал. Почему журналисты пишут о пропаже популярной певицы «осторожно», а не трубят на каждом углу? Почему люди Шестакова так жестко цензурируют все написанное о ней? Из-за нежелания бизнесмена светить свою личную жизнь или по другой причине?

Роман хотел закрыть тему про Анфису – хотя бы на время, потому что до нужного места оставалось всего ничего, но Вита, наоборот, оживленно заерзала на сиденье.

– Ходят слухи, что Анфиса и Дмитрий расстались. А перед этим она отменила все выступления и гастроли.

– Да-да, мне рассказали ее друзья…

– Ром, тебе реально не интересно это дело? Хочешь отказаться от него?

– Я пока не решил. Если бы не Игорь Степанович, я бы отдал это дело кому-нибудь другому. Почему – уже сказал.

– Ром? – позвала после недолгой паузы Вита.

Он бросил на нее вопросительный взгляд и заметил, что она кусает губу, будто хочет что-то еще спросить, но не решается.

– Говори, – с легким раздражением поторопил Роман. Впереди показался нужный указатель, и в душе невольно кольнуло. Не думал он, что когда-нибудь вернется в этот мертвый поселок и что возвращение сюда дастся так тяжело.

– Ты ведь не обычный детектив? – спросила помощница, и Роман невольно усмехнулся.

Вита пришла в его агентство восемь месяцев назад, с пониманием отнеслась к тому, что ее попросили подписать соглашение о неразглашении секретов. И хоть она быстро поняла, что Роман иногда берется за нетипичные для детектива случаи, лишних вопросов не задавала.

– Я имею в виду то, что ты не только собираешь доказательства неверности супругов или, допустим, разыскиваешь пропавшую болонку какой-нибудь старушки. И учился ты явно не на юрфаке.

– Я окончил военную академию, – твердо произнес Роман, считая, что тем самым ответит на все ее вопросы.

Дорога, ремонтом которой не занимались добрых два десятка лет, привела их к бывшей воинской части. Роман помнил, что часть была небольшая и не считалась важным стратегическим объектом, как, например, военный аэродром. На ее территории располагались казармы, склады и плац. А сразу за забором со змеившейся по нему колючей проволокой начинался лес, в который однажды сбежал новобранец. Едва Роман вспомнил тот случай, как перед глазами возникла картина: красный от гнева отец громогласно отчитывает на кухне незнакомого офицера, а мама загоняет испуганного Рому в комнату. Солдатика того вскоре нашли, разносом от отца дело, кажется, и закончилось.

Роман остановил машину неподалеку от недействующего шлагбаума и будки с выбитыми стеклами.

– Начнем отсюда? – спросила Вита, хоть он так и не посвятил ее в свои планы.

Роман кивнул, вышел из машины и достал с заднего сиденья сумку.

– Это воинская часть, в которой когда-то служил мой отец, – пояснил он, когда они миновали КПП и вошли на территорию части. – Приехали они с мамой сюда незадолго до моего рождения. До этого папа служил на Севере. А новое назначение он получил в то время, когда из поселка стали пропадать люди…

– Ты упомянул, что ходили слухи о расформировании части, – напомнила Вита.

Роман молча кивнул и, сощурившись, огляделся. Шли они быстрым шагом и от контрольно-пропускного пункта удалились на значительное расстояние. Впереди уже замаячил длинный барак, бывший когда-то казармой. Стекла в здании давно были выбиты ветром и градом, и в один из оконных проемов нахально просунуло ветви молодое деревце, выросшее прямо внутри. Зрелище представилось унылое. Роман сам себе не мог объяснить, почему «экскурсию» начал отсюда. Может, потому что сюда его тянуло из-за отца.

– Да, папу перевели в другую часть, ближе к столице, – продолжил Роман рассказ после небольшой заминки. – Он перевез нас с мамой на новое место жительства, а сам вернулся сюда, чтобы закончить какие-то дела. Ничего странного в этом не было.

– И все-таки было? – поняла проницательная Вита и остановилась, когда Роман поднялся на невысокое крыльцо двухэтажного здания, в котором когда-то располагался штаб.

Дверь тяжело, но поддалась, и изнутри пахнуло пылью и сырой древесиной. Роман достал из кармана телефон, включил фонарик и осветил прогнивший пол. Вита тихо вошла следом и остановилась за его спиной.

– Было, но заметил я это, когда повзрослел, – сказал Роман. – Папа не получал нового назначения. Его не переводили в другую часть, как мы с мамой считали, но он увез нас подальше отсюда.

– Что здесь произошло? – тихо спросила Вита. – О чем ты умолчал? Мы копаемся в архивах, сравниваем случаи в прошлом, ты просишь мониторить новости, но цельной картины у меня нет.

– У меня тоже нет, Вита, – с сожалением ответил он и на мгновение зажмурился, вспомнив фотографии, которые видел в секретном архиве.

Отец умер за рабочим столом, так и не успев допить чай из стакана в бронзовом подстаканнике. Тело дежурного нашли возле входной двери. Возможно, именно он первым встретил тех, кто принес сюда смерть. Часть личного состава потом обнаружили в коридоре, а кого-то – на втором этаже.

– Ром? Ты меня слышишь? – позвала Вита, возвращая его из воспоминаний в реальность, в которой пахло пылью и отсыревшей древесиной, а под ногами сухо хрустела осыпавшаяся побелка.

Роман вздрогнул и перевел взгляд на помощницу.

– Здесь погибли люди. И те, кто служил в части, и те, кто был дома – все в одну ночь.

– Как?! – ахнула Вита и в ужасе закрыла ладонью рот.

– У многих было разорвано горло. Погибших, к счастью, оказалось немного. Однако остальные жители куда-то пропали. Их судьба так и осталась неизвестной. И за двадцать с лишним лет так и не удалось выяснить, что здесь произошло, Вита. Почему погибли одни и куда пропали другие?

Повисшая пауза оказалась такой весомой, а испуг в глазах помощницы – таким явным, что Роман не удивился бы, если бы она попросила его немедленно вернуться в Москву. Но Вита спросила совсем другое:

– А… твой папа оказался среди пропавших или погибших?

– Среди погибших. Он умер за рабочим столом над разложенными на нем документами. Так и не допив чай.

Ответив, Роман сделал несколько снимков стола и сдвинутых в угол стульев, а затем быстрым шагом вышел в коридор и направился к лестнице. Но там помедлил, решая, стоит ли подниматься. Он уже жалел, что пришел сразу в часть, а не начал осмотр с поселка. Но отчего-то в нем все эти годы жила уверенность в том, что все началось отсюда. Отбросив сомнения, Роман поднялся по лестнице.

Тяжелая сумка с оборудованием напомнила, как несколько лет назад он приехал сюда вместе с Олегом, чтобы узнать правду о случившейся в прошлом трагедии. Ничего путного из той затеи не вышло. Понял ли Ягуар, куда сегодня отправился Роман? Скорее всего, да.

Вита молча поднялась следом, но когда Роман поставил сумку на широкий подоконник с облупившейся краской, спросила:

– Ты не думал, что твой папа что-то знал или предполагал, потому и перевез вас в другое место?

– Думал, – кратко ответил Роман, вытаскивая небольшую камеру. – Возможно, знал. Ты взяла с собой блокнот и ручку?

– Да.

– Запишешь показания, которые я продиктую. Хочу измерить тут температуру, влажность, электромагнитное поле и радиоактивность.

– Думаешь, здесь есть радиация? – поежилась Вита.

– Сомневаюсь. Но измерю.

Он установил в разных концах коридора камеры и включил звукозаписывающее устройство. Вита наблюдала за его приготовлениями молча, хоть по ее лицу и видно было, что ей не терпится задать ему кучу вопросов. Роман без улыбки подмигнул ей, давая понять, что расскажет все потом. Скрывать от нее всю историю уже нет смысла, он и так вольно или невольно втянул ее в это расследование. Не стоило брать ее с собой. Не сейчас, а еще в тот день, когда он поехал в заброшенный парк аттракционов.

Вита послушно ходила следом и записывала все показания, которые Роман шепотом ей диктовал. Покончив с исследованием в штабе, они спустились на улицу и сделали замеры там, а потом – в столовой и в одной из казарм. На все эти манипуляции ушло довольно много времени, а еще оставался поселок. Роман с тревогой бросил взгляд на часы, а затем – на Виту. Но помощница оставалась спокойной, будто и правда никуда не торопилась.

– Пошли в поселок, – скомандовал он, бережно подхватив сумку. – Весь его, конечно, не успеем обойти. Скоро начнет темнеть. Придется вернуться в другой день, потому что хотелось бы осмотреть и парк аттракционов.

– Как скажешь, начальник, – беззаботно отозвалась Вита, но Роман уловил в ее голосе нотки усталости.

– Перерыв, – сдался он. – В машине лежит пакет с пирожками. Перекусим, а потом отправимся дальше.

– Мне бы в туалет, – смущенно улыбнулась помощница и переступила длинными ногами. – Тут даже кустиков нет. Слушай, если я воспользуюсь туалетом в той казарме… Он хоть и не работающий, но…

– Беги, – кивнул Роман. – Я тебя тут подожду.

Вита умчалась, а он поставил сумку возле ног, достал телефон и не удивился, увидев сообщение от Ягуара. Олег спрашивал, как дела, разобрался ли Роман с приборами и писал, что можно пока не возвращать аппаратуру. А после добавил, что догадывается, куда он отправился, и просил быть осторожным. Роман улыбнулся проницательности Ягуара и начал набирать ему ответ. Но в ту же секунду со стороны казармы раздался истошный женский визг. Позабыв о сумке с дорогим оборудованием, Роман бросился на помощь Вите, ворвался в помещение и чуть не упал, попав ногой в прогнившую половицу. Выдернув ногу, он заметался по коридору, пытаясь понять, куда бежать.

– Вита?! Вита, ты где?! Что случилось?!

– Я тут, – раздалось после некоторой паузы, в которую перед глазами Романа поездом промчалась часть его жизни.

Вита сама выскочила ему навстречу, но, увидев его, остановилась и неловко улыбнулась:

– Прости. Я… просто испугалась.

– Что тебя напугало? – отрывисто спросил он.

– Да ерунда какая-то. Показалось, – Вита нервно дернула себя за мочку и невольно оглянулась на комнату, из которой вышла. – Показалось, будто за мной кто-то подглядывает в приоткрытую дверь. Я искала туалет… Вошла в эту

комнату, а дверь внезапно закрылась. А когда я оглянулась, мне показалось, что в щель кто-то смотрит.

Она снова нервно оглянулась. Роман слегка оттеснил ее плечом и решительно прошел в помещение. Вита тут же ринулась за ним следом, видимо, остаться даже на секунду одной ей показалось страшно.

– Никого, – коротко обронил Роман, быстро оглядев не только эту комнату, но и кубрик, в котором сохранились остовы двухъярусных кроватей с прогнившими тощими матрасами.

– Я же говорю, показалось, – сказала Вита, но неуверенно. Роман чуть коснулся ее плеча, желая одновременно и приободрить, и поторопить, и вышел наружу.

– Я провожу тебя до машины. Запрешься и подождешь меня там.

– А ты?

– А я сделаю здесь замеры.

– Я с тобой! – тут же возразила Вита, и в ее голубых глазах отчетливо промелькнул страх.

Что же ее так напугало, раз она не желает остаться в одиночестве даже в надежно закрытой машине?

– Вита, давай еще раз. Опиши мне, что ты видела.

– Мне показалось, – неожиданно заупрямилась она.

– Если бы показалось, ты бы не цеплялась сейчас в панике за меня, – усмехнулся Роман, и помощница только сейчас заметила, что на самом деле крепко держит его за локоть.

– Извини, – смутилась она и глубоко вдохнула. – Хорошо. Я зашла в комнату, и за мной внезапно закрылась дверь. Но не до конца, осталась щель. Я резко оглянулась на скрип и увидела, что кто-то за мной подглядывает. Лицо я не

видела, лишь глаз – темный, без белка, будто бы и не глаз, а сплошной зрачок.

– Может, зверь забрел? – предположил Роман. – Допустим, лось. Тут, за частью, лес.

– Нет. Я бы сказала, что за мной подглядывал человек. Среднего роста и пожилой, потому что глаз был окружен морщинистой кожей. И еще я увидела часть ухмылки. Нет, Рома! Никакой не лось это был, а человек! Думаю, я напугала его визгом, и он где-то спрятался. Скорей всего, это был бродяга. Бомж.

– Вита, давай ты подождешь меня в машине, а я быстро все проверю, – повторил Роман, но она решительно замотала головой.

– Я не отпущу тебя одного! Тот, кто там прячется, может быть опасен!

Он даже не сдержал улыбки.

– Вит… Я – крепкий мужчина, высокий и не слабак, восточными единоборствами занимался. Себя защитить, если что, смогу. А если придется отбивать девушку, то…

– Ладно, – нехотя сдалась Вита.

– Пойдем, провожу. Запрешься и подождешь меня. Я быстро! Обещаю не задерживаться.

– Я тебе позвоню через десять минут. И если не ответишь, выйду из машины! – предупредила она.

– Ок, контрольный созвон через десять минут, – согласился он, лишь бы успокоить ее.

Вита осталась в машине, а Роман с оборудованием вернулся в казарму. Уже начало темнеть, и он понимал, что исследовать дома в поселке придется в другой день. Но, возможно, и сегодняшний вечер окажется результативным. Роман обошел все помещение, заглянул во все шкафчики, но ничего, кроме

старой одежды и каких-то личных вещей солдат, не обнаружил. Никого. Он вытащил телефон и позвонил, как обещал, Вите. После чего заснял на камеру несколько углов, сделал замеры, записал показатели и вернулся в машину – к изрядно изнервничавшейся Вите.

Сумку он поставил сзади и достал пакет с Олесиными пирожками, протянул его Вите и завел двигатель. Дорога домой предстояла длинная, им стоило бы перекусить, к тому же Вита так и не нашла туалет. Придется сделать небольшую остановку, но не здесь.

– Ты и там тоже сделал замеры? – глухо спросила помощница, вцепившись в пакет с пирожками с такой силой, что у нее побелели костяшки пальцев.

Роман бросил на нее короткий взгляд и снова перевел его на дорогу. Темнота опускалась на окрестности стремительно, будто не сходила спешно с неба, а торопливо сбегала.

– Да, – кратко ответил он.

Вита пошуршала пакетом, но так и не достала пирожок, видимо, не решилась есть в машине без разрешения или в одиночестве.

– Я, пока ты там пропадал, немного погуглила это место. Одно дело, что мы вычитали в отчетах и других документах, другое – что пишут в Интернете. Оказывается, об этом поселке, вернее, о парке аттракционов, есть несколько постов в блогах. И все они довольно свежие.

Роман кивнул, подбадривая ее, потому что Вита сделала паузу.

– Это место считается аномальным. Заброшки всегда притягивали любителей пощекотать нервы. Вот и сюда пожаловали с «экскурсиями». Судя по постам, здесь стало происходить что-то странное: видят тени, свет в окнах домов. А еще я нашла видео – любительское, плохого качества, с кучей помех и издалека, будто снимали с плохо управляемого дрона. Но все равно можно рассмотреть, как очень медленно двигается колесо обозрения. Не знаю, правда это или фейк, но в посте говорится, что колесо – из того заброшенного парка, в котором мы с тобой были…

Она снова замолчала, ожидая ответа. Но Роман тоже молчал, сосредоточенно глядя на освещаемую желтым светом фар пустую дорогу.

– Ром, я обычно не задаю вопросов, ты же знаешь, – не выдержала Вита, развернувшись к нему в пол-оборота. – Делаю все, о чем ты просишь, ищу информацию, мониторю новости, копаюсь в архивах, веду переписку, просматриваю статистику, каталоги и прочее. Ты, конечно, вправе не раскрывать мне все секреты. На то они и секреты. Обычно мы обсуждали все дела с самого начала, но в этот раз ты вообще ничего не рассказываешь, только даешь задания. Возможно, это дело слишком отличается от всего, чем мы занимались раньше. Я бы не лезла с расспросами, но мне страшно. Это место меня напугало! Конечно, я напросилась сама. Из желания тебе помочь.

– Ты права, – наконец нарушил молчание Роман. – Лучше бы было, если бы я тебя с собой не брал.

Она обиженно заморгала, поняв его фразу по-своему.

– Вита, этот заказ необычный, – смягчился он. – Я жалею о том, что необдуманно втянул тебя в это дело.

– Я всегда хорошо тебе помогала! И подписала документ о неразглашении, – зазвеневшим от обиды голосом отчеканила она, и Роман примирительно улыбнулся.

– Дело не в этом. Твоя помощь действительно неоценима, поэтому я и втянул тебя невольно в новое дело. Хотя было бы лучше, чтобы все расследование я взял на себя. Оно связано с определенными рисками.

– Я понимаю, что вся наша работа – с определенными рисками.

– Но это дело отличается от других, – вздохнул Роман, и Вита снова развернулась к нему.

– Тогда было бы правильнее сначала рассказать, во что мы ввязываемся. И хотя бы теоретически дать мне шанс решить, стоит ли помогать тебе в этом деле или полностью отстраниться.

– А ты бы отстранилась? – невольно улыбнулся он, и Вита возмущенно фыркнула:

– Нет конечно!

На ее губах показалась ответная улыбка, и после недолгой паузы Вита уже обычным тоном – чуть игривым – добавила:

– Ну же, начальник, рассказывай, во что мы вляпались. И для чего были все эти замеры. Кого или что ты собираешься тут увидеть?

– Ок. Расскажу. После небольшого перерыва. У нас пирожки грозят испортиться. И ты просилась в туалет.

– Правда так страшна, что ты боишься, как бы я не испачкала чехлы на сиденье? – съязвила Вита, но уже повеселевшим тоном, и выглянула в окно. – Вон там притормози. Но не заговаривай мне зубы!

– Как я уже рассказывал – из нашего городка стали пропадать люди, – начал Роман после остановки и быстрого перекуса. – Папа перевез нас с мамой в другое место под предлогом, что получил новое назначение. А сам вернулся, чтобы якобы закончить кое-какие дела. Через два дня после его возвращения случилась трагедия. Из поселка окончательно исчезли люди, а тех, кто всё-таки остался, нашли мертвыми. Повзрослев, я решил выяснить правду о том, что случилось с бывшими соседями и, конечно, с отцом. Информации было очень мало. Вернее, она оказалась засекреченной. В то же время я узнал, что отец не получал назначения о переводе. И сделал вывод, что он чего-то опасался и потому перевез нас с мамой.

– У вас там не разрабатывали секретное оружие или вирус? – спросила Вита.

– Часть была небольшой и не считалась стратегически важным объектом.

– Вот!

– Не думаю, Вита, – ответил Роман, но не так уж уверенно. – Лаборатории в нашей части точно не было. Еще я узнал, что потом эти земли пытался выкупить какой-то бизнесмен. Он хотел снести старые дома, а взамен отгрохать

коттеджный поселок и торгово-развлекательный центр с казино. Это место пригодно для отдыха, рыбалки и других развлечений. Рядом – лес, дальше – озеро. Природа, тишина, уединение. Но сделка не состоялась, потому что бизнесмен погиб.

– Очень своевременно, – кивнула Вита.

– Возможно. А может, просто случайность.

– Ты в это веришь?

Похоже, помощница уже выстроила свою версию и теперь все услышанное подводила под нее. Роман решил не спорить с Витой.

– Открытой информации мне показалось мало, она лишь раззадорила мой интерес. И я сумел добраться до секретных архивов…

– И? – встрепенулась Вита, ее глаза вспыхнули азартом, и она от нетерпения заерзала.

– Все банально, – остудил ее пыл Роман и усмехнулся. – Меня поймали. Я ничего не успел выяснить. А обвинение мне вкатили серьезное. Якобы я собирался продать засекреченную информацию иностранной разведке.

– Ого! – воскликнула Вита и посмотрела на него со смесью уважения и испуга. – Так ты что, отсидел?

– Все к тому и шло – вынесению приговора и заключению на долгие годы. Но в последний момент все внезапно переиграли. Вмешались кое-какие люди, дело закрыли, меня выпустили, но из армии уволили. Со временем я открыл детективное агентство, которое к моей прошлой деятельности не имело бы отношения, если бы… Если бы не старые знакомства, – уклончиво ответил Роман.

– Игорь Степанович – один из этих знакомых? – уточнила Вита так серьезно, что Роман внезапно почувствовал себя как на допросе.

А может, ему просто показалось, потому что разговор всколыхнул воспоминания о том, что он предпочел бы забыть. Но стереть эту часть его биографии было невозможно, как нельзя стереть ластиком выжженное клеймо.

– Допустим, – снова уклончиво ответил Роман. – И давай договоримся, что все это останется между нами.

– Обижаешь, начальник! – ожидаемо воскликнула Вита, но он остановил ее жестом.

– И обещай, что не будешь выспрашивать другие подробности. Меньше знаешь, крепче спишь. Понимаешь?

– Все так серьезно?

– Вит, я сунулся в засекреченное дело о случае в военном городке и поплатился за это карьерой, а еще чуть не оказался за решеткой. Так себе жизненный сценарий для парня чуть старше двадцати лет. Сечешь?

– Угу. Хорошо. Не полезу. Я – твоя помощница, делаю только то, что ты велишь, вопросы не задаю. Если нужно, сыграю под дурочку. Но еще один вопрос можно? Прямо сейчас?

– Валяй, – разрешил Роман.

– Почему это засекреченное дело решили поднять именно сейчас? И обратились за помощью именно к тебе?

– Хороший вопрос! Правильный. И опасный. Один из тех, которые задавать не следует, – усмехнулся Роман. – Возможно, потому, что я в это дело уже однажды влез.

– Шито белыми нитками, – фыркнула Вита.

– Или потому, что я не мыслю принятыми категориями, а допускаю, к примеру, что эта зона может быть аномальной. Если мне скажут, что здесь видели призраков, я не буду смеяться, а приеду и сделаю замеры электромагнитного

поля, температуры, влажности и…

– Стоп! – воскликнула Вита и снова развернулась к нему. – Мы сегодня что, охотились на привидений?

– Нет. Делали замеры электромагнитного поля, – скучным тоном ответил Роман.

– О?кей, поняла, – натянуто засмеялась Вита и поежилась. – То-то ты так обрадовался, когда я сказала, что за мной кто-то подглядывал!

– Однажды я уже возвращался в это место с другом, у которого сегодня взял аппаратуру. Олег – бывший военный, сейчас у него свой бизнес – охранные агентства. И его давнее хобби на первый взгляд никак не вяжется с образом сурового вояки. Когда-то он собрал команду по расследованию аномалий. Я вышел на него, и мы вместе приехали сюда, сделали замеры, но ничего интересного, то есть аномального, тогда не обнаружили. На том наши исследования и закончились, потому что я попался с архивами.

– Ничего себе, шеф! Сколько интересного о тебе я сегодня узнала!

– Лучше бы не знала, – вздохнул он и напомнил, что разговор должен остаться между ними.

Часть дороги они провели в молчании. Вита решила немного вздремнуть, но перед этим попросила включить радио и сама выбрала волну. Роман не возражал. К счастью, помощница любила не клубную музыку, которую он терпеть не мог. Репертуар радиостанции оказался довольно широким: попса перемежалась с рок-балладами, русскоязычных исполнителей сменяли иностранные. Вита дремала под тихо льющиеся из динамиков песни, и Роман не стал будить ее, даже когда въехал в столицу. Пропетляв по знакомым улицам, он свернул на шоссе, которое вело в ее район. Песня на русском сменилась балладой на иностранном языке, и Роман невольно прислушался, потому что ему показался знакомым голос – чистый, мощный, гибкий. Смысла песни он не понимал, лишь догадался по отдельным словам, что исполнялась она на испанском.

– Это Анфиса, – вдруг раздалось со стороны пассажирского сиденья.

Роман бросил взгляд на Виту и заметил, что она сидит, глядя перед собой, а на ее лице застыло выражение неожиданной грусти и, одновременно, восхищения.

– Это она поет, – повторила Вита. – Песня на испанском. Анфиса рассказывала в интервью, что эту песню про попавшую в клетку птицу ей в детстве пела одна женщина, испанка.

– Нурия, – вырвалось у Романа.

Песню дослушивали в полном молчании. А когда она закончилась, Роман выключил радио, потому что ему неожиданно захотелось сохранить впечатление от исполнения, не перебивать его другими голосами.

– Если хочешь, завтра можешь прийти попозже, – сказал он, заметив, что Вита выглядит уставшей.

– Хорошо, – покладисто согласилась помощница. – Посплю на час дольше.

Они попрощались. Уже входя в подъезд, Вита кому-то позвонила. Роман дождался, пока в окнах ее квартиры на втором этаже зажжется свет, и только тогда отъехал.

К себе он вернулся далеко за полночь, вымотанный не столько дорогой, сколько длинным днем. Но прежде чем отправиться в душ и спать, достал из сумки блокнот, в который были внесены показания. Просмотр видео, как и детальное изучение всех записей, Роман решил оставить на завтра. А сейчас ему хотелось проверить одну теорию. Он подошел к шкафу и вытащил спрятанную за книгами тетрадь в клеенчатой обложке, в которую когда-то под диктовку Олега внес показания. Роман раскрыл на обеденном столе тетрадь и блокнот, сравнил записи и присвистнул. Его подозрения, что изменились данные, подтвердились.

Глава 7

– Случалось ли вам оказываться в безвыходных ситуациях?

– Неоднократно. Но я никогда не сдаюсь.

(из интервью Анфисы порталу «Мир сильной женщины»)

Земля под ногами завибрировала, глухой гул вырвался наружу вместе с полыхнувшим из расщелины огнем. Анфиса в ужасе вскрикнула и едва успела отпрыгнуть в сторону, потому что за гулом последовал страшный грохот. По земле стремительным зигзагом пробежала трещина и уткнулась в нижнюю ступеньку крыльца. На долю секунды Анфисе показалось, что ее дом рухнет в разлом. Но все стихло так же внезапно, как началось. Пламя погасло, только в воздухе еще витал легкий запах дыма. Сначала было тихо, а затем из-под земли раздался стук. Некто трижды постучал и после недолгой паузы повторил незатейливый ритм. Анфиса, напуганная и одновременно заинтригованная происходящим, осторожно приблизилась к расщелине и затаила дыхание. Трещина была широкой, но не настолько, чтобы в нее мог провалиться человек. Анфиса медленно присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть того, кто выдавал странные позывные. В тот же момент из-под земли взметнулась чья-то рука со скрюченными пальцами. Анфиса в ужасе отшатнулась и проснулась.

Сон оказался настолько ярким и реалистичным, что ей не сразу удалось прийти в себя. Сердце колотилось, к взмокшей спине неприятно липла футболка. Анфиса дрожащей рукой стерла пот со лба, и в этот момент снова услышала стук. Оказывается, стучали наяву, а не во сне. Она спустила с кровати ноги, одернула мокрую футболку и на цыпочках прокралась в коридор.

– Есть кто? – раздался с улицы звонкий девичий голос.

Анфиса открыла дверь и увидела на крыльце веснушчатую девочку-подростка. Незнакомка уже занесла руку, чтобы снова постучать, поэтому, оказавшись нос к носу с хозяйкой дома, испуганно отпрянула. Но затем смущенно улыбнулась и звонко поздоровалась:

– Здрасьте!

– Здравствуйте, – вежливо ответила Анфиса, продолжая рассматривать девчушку.

Возраст той определить было сложно из-за слишком высокого роста и еще неоформленной фигуры. Худоба девчушки была скорее вызвана стремительным ростом: талия ситцевого платья находилась выше – на ребрах, а подол едва доставал до середины бедра. Девочка сутулилась, стесняясь роста манекенщицы, и куталась в широкую старушечью кофту. На ногах у незнакомки были резиновые сапоги, на синих носах которых еще блестели капли росы, а в руках она держала корзинку.

– Меня к вам бабушка прислала, – сказала, еще больше ссутулившись, гостья. Видимо, взгляд Анфисы ее смутил. – Вот. Это вам. За Тараску.

– За кого?

– За Тараску, – уже смелее повторила девчушка и протянула Анфисе корзинку. – Вы его чаем напоили. Он испугался грозы, а вы его не прогнали. Бабушка вам передала гостинец. Яйца свежие, от наших кур! Утром собрали.

– Так зачем же… – пробормотала Анфиса, смущенная и удивленная одновременно.

Разве можно было выгнать старика под дождь? И разве за такой незначительный поступок требуется особая благодарность?

– Вы только потом корзинку верните, – попросила девочка. – Бабушка так наказала. Выставьте на крыльцо, а я заберу.

Посчитав, что выполнила свою миссию, гостья развернулась, но Анфиса ее остановила:

– Погоди! Как тебя зовут?

– Таня, – оглянулась через плечо девочка.

– А я – Рита, – представилась старым именем Анфиса. – Чаю хочешь? У меня есть конфеты и вкусное печенье. И корзинку тебе отдам. Зачем выставлять ее на крыльцо?

Таня поколебалась, а затем, решительно откинув за спину толстую косу льняного цвета, кивнула. Анфиса проводила гостью на кухню, включила чайник и сняла с корзинки полотенце. Танина бабушка передала свежих куриных яиц, связку сушеных грибов, баночку с ягодным вареньем, свежей зелени, редиски и огурцов с капельками росы на пупырчатых боках. А еще какой-то сложенный в несколько раз бумажный листок.

– Все свое, – с гордостью ответила Таня. – Ягоды и грибы тоже мы собирали.

– Спасибо! – от всего сердца поблагодарила Анфиса и поставила чайник.

В ожидании чая Таня сидела на стуле, напряженно выпрямив спину, и с любопытством следила за хозяйкой. Девочка явно боролась одновременно со стеснительностью и с желанием задать вопросы. Анфиса делала вид, что не замечает любопытных взглядов гостьи, хоть и понимала, что расспросов не избежать. А Таня уже нетерпеливо ерзала на месте и, когда перед ней появилась чашка с чаем, не выдержала:

– Вы недавно сюда приехали? Этот дом теперь ваш?

– Мой, – ответила Анфиса, наливая чай и себе.

– В нем долго никто не жил. Хозяин хотел продать его дачникам. Так он говорил. Но кто ж так далеко из города поедет сюда?

– Я, – улыбнулась Анфиса, решив подыграть гостье. – Я мечтала о такой даче, на которую можно уехать на все лето.

– А как же работа? А… – Таня осеклась, испугавшись того, что и так уже позволила себе лишние вопросы.

– Я могу работать из дома. А мужа и детей у меня нет. Пока. А когда появятся дети, я их буду привозить сюда. Здесь же так хорошо!

– Хорошо, – отозвалась Таня, но хмуро, будто лишь в унисон словам хозяйки дома, но вразрез собственным мыслям. – А я, наоборот, хочу в город. Тут скучно! И перспектив никаких! У меня мамка уже давно в городе вкалывает. Деньги

высылает и на праздники иногда приезжает. А я живу с бабушкой. Но у нас уговор!

Таня вскинула голову, и ее глаза засияли.

– Когда окончу одиннадцатый класс, поеду в город поступать! У нас, правда, всего два вуза. Но на столичные денег нет. А в городе и мамка рядом будет, и на работу к себе сможет устроить. Вот такие планы!

– Хорошие планы, – с улыбкой одобрила Анфиса и, незаметно подвинув Тане вазочку с печеньем, перевела разговор на интересующую ее тему: – Значит, этого дедушку зовут Тарасом?

– Тараской. Его все зовут Тараской. Он младший брат бабушки. Немного того, ку-ку. Это все знают. Но он добрый, поэтому никто его не обижает. Бабушка говорит, что Тараска не всегда таким был. Однажды, еще в молодости, он пошел с другими парнями на карьер купаться. А в воде оказался провод. Тараску шарахнуло. Могло и убить, но он выжил. Только стал таким. Бабушка о нем всю жизнь заботится. Она уже замужем была, когда это случилось, забрала Тараску к себе, но из-за этого сильно стала ругаться с мужем, моим дедом. Дед ушел от нее, уехал в город. А бабушка так и осталась с моей мамой и Тараской. Она очень добрая, только строгая и часто сердится.

Таня поднесла ко рту печенье, но не откусила, а так и замерла, о чем-то задумавшись и глядя в окно.

– А как Тараска рассказал, что был у меня? Он же почти не говорит, – заинтересовалась Анфиса.

– А он рисует! – оживилась Таня. – У него талант! Тараска вам тоже рисунок сделал. Только мне смотреть его запретил.

Анфиса оглянулась на гостинцы. Значит, сложенный листочек – рисунок от благодарного старика?

– Он мечтал уехать в столицу и выучиться на художника, – продолжила рассказ Таня. – Но случилось вот это. А рисовать Тараска все равно рисует. Вчера он

ушел гулять с Кляксой, а тут буря. Мы очень волновались, ходили в грозу его искать, звали-звали, но Тараска не откликался. Бабушка его немного поругала, когда он пришел, потому что переволновалась, а потом спросила, где он был. Тараска все слышит, только сказать не может. И когда бабушка спросила, он нарисовал дерево и дом. Тогда мы поняли, что он прятался от дождя у дачницы.

– У дачницы? – улыбнулась Анфиса.

Да, скрывайся не скрывайся, а ее присутствие быстро заметили.

– Ну да, у вас.

Таня чуть нахмурилась, снова задумавшись о чем-то своем, а потом с горечью произнесла:

– Ветер вчера много деревьев поломал. И нашу молодую яблоньку тоже. А у соседа часть крыши сорвало. А у вас, похоже, молния в дерево ударила. И землю расколола.

Анфиса чуть было не возразила, что случилось это еще раньше, но вовремя прикусила язык. Таня допила чай, кивнула своим мыслям и с чашкой в руке поднялась из-за стола.

– Где у вас можно чашку помыть?

– Да я сама вымою.

– Нет. Бабушка меня приучила посуду за собой всегда мыть, – произнесла Таня с трогательной серьезностью.

Анфиса, скрыв улыбку, кивнула в сторону мойки.

– Ну, я пойду! А то бабушка станет волноваться. Корзинку могу забрать?

– Да, конечно! – подскочила Анфиса. Открыла шкаф, достала нераспечатанную шоколадку и упаковку соленых крекеров и уложила все это в корзинку.

– Ой, да зачем…

– Моя бабушка приучила меня, что пустыми корзинки не возвращают, – хитро усмехнувшись, сказала Анфиса и протянула корзинку Тане. – Спасибо за угощение! И… приходите вместе с Тараской и Кляксой.

– Обязательно! – обрадовалась девочка.

Когда Таня ушла, Анфиса убрала в холодильник гостинцы и развернула листок. Но едва взглянув на рисунок, тут же его отшвырнула, будто увидела ядовитого паука. Тараска изобразил мужчину в деловом костюме. Мужчина задумчиво смотрел в окно. Одну руку он сунул в карман брюк, другой опирался на подоконник. Анфиса хорошо помнила, что так, размышляя над решением каких-то задач, замирал у окна Дмитрий. Мог ли кто-то сфотографировать его в такой момент, а потом напечатать снимок в журнале? Анфиса сделала вдох-выдох, чтобы прийти в себя, и решила, что такая версия не так уж и далека от истины. И Тараска всего лишь скопировал фотографию…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kalinina_natal-ya/po-tu-storonu-pesni

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить